

Другая война

мы из сорок первого...

воспоминания

НОВОЕ издательство

Дмитрий Левинский

Мы из сорок первого... Воспоминания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086595

Мы из сорок первого... Воспоминания/Предисл. и примеч. П. М. Поляна. Послесл. Ф. М.

Солодовника: Новое издательство; Москва; 2005

ISBN 5-98379-019-6

Аннотация

В двадцатилетнем возрасте Дмитрий Левинский попал на войну, прошел через плен и концлагерь и вновь вернулся на фронт. «Мы из сорок первого...» – воспоминания Левинского о войне и лагере с редкими для этого жанра «аналитическими» отступлениями, основанными на широком круге документальных источников и вписывающими судьбу молодого ленинградца в панораму «большой» истории. Книга публикуется впервые, проиллюстрирована фотографиями из архива автора.

Содержание

От издательства	4
Записки сержанта и поэта	5
Мы из сорок первого...	8
Предисловие	8
Глава первая	11
Чернигов	11
1	11
2	15
3	18
4	19
5	22
6	26
Ромны	27
1	27
2	31
Кривой Рог	34
Ташлык	36
1	36
2	39
3	40
Александрия	41
Одесса	44
1	44
2	46
3	49
4	52
5	57
6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрии Левинский

Мы из сорок первого... Воспоминания

От издательства

В основу настоящего издания лег машинописный экземпляр, подготовленный и изданный автором собственноручно в 2-х экземплярах.

В подготовке настоящей книги принимали участие Татьяна Тигонен и Анастасия Апина. При окончательном редактировании рукописи фрагменты сугубо не мемуарного или вторичного характера были опущены. Сделанные при этом сокращения обозначены знаком <...>. Авторское название рукописи «Мы из сорок первого, или Ты – моя звезда»: Автобиографическая повесть» – укорочено. Явные опечатки исправлены без оговорок.

Сердечно благодарим Татьяну Дмитриевну Левинскую, дочь автора, предоставившую для работы семейный архив отца (впоследствии подаренный ею московскому обществу «Мемориал») и Федора Степановича Солодовника, председателя правления Межрегиональной общественной организации «Общество бывших российских узников Маутхаузена» и вице-президента Интернационального Маутхаузен-Комитета, за помощь в подготовке и издании этой книги.

Записки сержанта и поэта

До чего проклятая штука – война! Как она уродует жизнь человека, соприкоснувшегося с ней: одни погибнут в расцвете сил, не познав прелестей жизни; другие смолodu станут инвалидами до конца своих дней; третьи попадут в плен – война без плена не бывает, что бы там ни говорили! – и, если выживут, станут надолго считаться людьми второго сорта, предателями родины; четвертые пропадут без вести, и о них никто ничего не узнает; пятые, которым повезет и они вернутся невредимыми, вполне возможно, на всю жизнь останутся черствыми, жестокими людьми с надломленной психикой оттого, что им приходилось много убивать, – это сделалось их профессией, – и эта моральная травма будет долго их преследовать.

Дмитрий Левинский. Мы из сорок первого...

В 1997 году петербургский «Мемориал» устроил презентацию моей книги «Жертвы двух диктатур» у себя в Питере. После дискуссии, оживленной и доброжелательной, ко мне подошло несколько человек из числа «персонажей» книги, и мы еще долго разговаривали.

С одним из них мы увиделись в этот же или на следующий день у него дома. Он хотел непременно дать мне почитать то, что написал сам.

Это был Дмитрий Константинович Левинский.

В руках у меня оказалась удивительная книга. На колофоне было проставлено: «Сигнальные экземпляры изданы во второй авторской редакции и на средства автора. Компьютерный набор, верстка и печать выполнены автором. Сдано в набор 01.04.96. Подписано в печать 28.04.96. Формат 60*84/16. Бумага типографская. Печать высокая. Уч. – изд. л. 20,6. Тираж 2 экз. Цена договорная».

Здесь все правда, кроме одного: купить эту книгу было невозможно, в продаже ее не было. Так что в руках у меня находился необычный «самиздат» – эпохи гласности и перестройки...

Начав читать, я не мог оторваться от книги, пока не дочитал ее до конца. Интерес и восхищение вызывало буквально все – и сама военная судьба Левинского, и его любовь, и его редкостная аналитичность, и даже то, как книга была написана.

За предыдущие период мы как-то привыкли к военным мемуарам лиц, в годы войны служивших на маршалских, генеральских или, самое меньшее, полковничьих (как, например, Л. И. Брежнев) должностях. Помнится, как вся страна всерьез зачитывалась книгами Жукова или Штеменко.

О том же, сколько в них было похвалы, лжи и, что то же самое, умолчаний, не стоит и говорить, как не стоит разбираться и в том, где прошелся «внешний», а где «внутренний» цензор.

Впрочем, на Западе в те же годы выходили воспоминания и не столь высоких чинов, главным образом из числа военнопленных-невозвращенцев, но, кажется, ни один из них ни на шаг не отвлекался от перепитий собственной судьбы и не замахивался на размышления о войне в целом, об отдельных ее составляющих, о ее тактике и стратегии. Единственный, кто всерьез покусился на эту неписаную прерогативу штабистов, стал, пожалуй, автор «Ледокола».

Записки сержанта (или, по занимаемым должностям, младшего лейтенанта) Дмитрия Левинского решительно и уверенно рвут с этой «традицией». Автор – не только замечательный мемуарист, но и прирожденный аналитик, мобилизующий все доступные ему сведен и

я по затронутому вопросу и накладывающий их на то, что пережил сам. Страницы «чистых» воспоминаний чередуются со страницами исследовательского или полемического склада. Но и в сохраненных памятью, подчас самых малых деталях – от амуниции до построения на марше – он умеет видеть отражение больших событий или масштабных замыслов. Жанр, в котором написаны его мемуары, я бы так и назвал – «аналитические воспоминания».

Приучивший себя к интеллектуальной самостоятельности (а то, что в свои преклонные годы он самостоятельно набрал, сверстал и «издал» свой труд аж в двух экземплярах, видится мне также одним из проявлений этого свойства), Д. Левинский не признавал непрекаемых авторитетов и равно серьезно, убедительно и жестко полемизировал и с советскими военачальниками (с генералом Тюленевым, например, или с авторами вышедшей в 60-х годах 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945»), и с Виктором Суворовым (скажем, сего построениями о таинственной 9-й ударной армии вторжения Южного фронта).

В книге пять глав: первая – «На службе в РККА. 1939–1941», вторая – «На Южном фронте. 1941», третья – «В германском плену. 1941–1942», четвертая – «В нацистских тюрьмах и концлагерях. 1943–1945» и пятая – «На службе в РККА. 1945–1946». Армейская служба как бы естественным образом закольцовывает композицию. Главы разбиты на главки, обозначенные географически, – по местностям, где то или другое событие происходило. В каждой большой главе просматривается та или иная главная, или сквозная, общая тема. Например, в первой главе это – готовился ли СССР к войне с Гитлером (диалог с Суворовым), а в третьей – искусство выжить в плену: так, осенью 1941 года, находясь в пересыльном лагере в Яссах, автор стал выменивать на сигареты теплые вещи у военнопленных западных украинцев, ожидавших со дня на день скорого освобождения, и тем самым «подготовился» и пережил лютую зиму (мало того, видя предпочтение, которое оказывалось украинцам, он и сам назвался Левченко) и так далее.

Вот характерный образец такого рода обобщения, поводом для которого послужила нелепая инструкция по оповещению полкового начальства о начале войны – бегом через всю Одессу с конвертом в руках и обратно, но уже вместе с командиром и почему-то тоже бегом: «Сейчас только диву даешься, сколько „мусора“ было в наших солдатских головах в то далекое время. Но такими нас упорно делала система: другие ей были не нужны. Этого мы тогда не понимали, но целиком соглашались с таким положением. Мы тоже по-другому не мыслили и во всем поддерживали систему. Мы являлись ее продуктом, ее детьми, ее оплотом... Существовавшая система напрочь отучала людей думать самостоятельно даже в одиночку: вдруг кто-нибудь мысли услышит? Думать стало опасно! Прикажут – выполним, а думать – нет, от этого избавьте: жить хотим. Кто много думал – тех уже с нами нет. Результаты такого подхода не замедлят сказаться... Наша дивизия называлась „дивизией прикрытия границы“, а командир полка не мог воспользоваться ни велосипедом, ни мотоциклом, ни автомашиной, ни повозкой на худой конец. Неужели так можно начинать войну? Как объяснить это самому себе?»

Но тогда мы просто бежали, а думать о нелепости такой системы оповещения стали намного позднее. А почему нельзя было оповестить по телефону? Много возникает таких „почему“, а вразумительных ответов не найти. Таков был наш общероссийский порядок, засекреченный вдоль и поперек!»

В силу ли личных качеств или по-юношески крепкой памяти, но по интересу к точности и по любви к мелкой детали Дмитрий Левинский мало кому уступит: «В пехоте на переднем крае долго не живут – ни рядовые, ни командиры. „Старожилы“ переднего края – редкое явление. К середине июля в ротах на лейтенантских должностях пооставались одни сержанты. Наверное, потому, что вначале сержантов было в 3–5 раз больше, чем лейтенантов, вот и осталось их больше. Но главное в другом: воевали сержанты по-другому. Им не

надо было демонстрировать перед бойцами свою удаль и отвагу. С лейтенантами было сложнее...»

Или другой, еще более яркий пример. В феврале 41-го года в одной из одесских газет попало ему на глаза стихотворение никому не известной Елены Ширман. Уже название «Так будет» было весьма недвусмысленным: «...И час придет. Я встану, холодея./Скажу: „Фуфайку не забудь, смотри..."/Ты тщательно поправишь портупею/ И выпрямишься. И пойдешь к двери...»

В стихах этих он расслышал пророчество о будущей войне с Германией, столь совпадавшее с тогдашними ощущениями и его самого, и многих-многих других. Приведя стихотворение (оно сохранилось благодаря тому, что было послано с письмом в Ленинград), он пишет: «Что же получается? Сталин упорно не хочет видеть приближения войны. Он ее не ждет, носам готовит! А Елена Ширман не только ждет ее со дня на день, как и мы, грешные, а описывает ее начало, причем тревожно и трогательно, как-будто уже провожает мужа на фронт.

Вывод: ничего не видел только тот, кто не хотел видеть, как приближалась война. В сознании многих она уже шла! Сложное чувство осталось от этого стихотворения. Больше я его никогда не встречал».

Для книги существенно и то, что написана она не только столь много видевшим и испытанным и притом столь внимательным и вдумчивым человеком, но еще и поэтом (его романтические стихи вплетены в ткань повествования). Но и этого мало: перед нами еще и подлинный рыцарь в дон-кихотовском смысле слова, чьей путеводной звездой и не-призрачной Дульсинеей была реальная ленинградская девушка, Нина Граур, долгие семь лет разлуки хранившая верность своему рыцарю, как и он ей. Несмотря ни на что, он не позволил своей душе ожесточиться, заматереть, и не это ли в конечном счете спасло не только душу, но и тело – саму жизнь! – ленинградского мальчишки Димы Левинского от гибели! А смерть всегда была где-то рядом, в двух шагах: по ходу записок – в главах о войне, о плене и о концлагере – я насчитал не менее двух десятков ситуаций, живым из которых выйти было труднее, чем мертвым.

Но судьба долго хранила его – храброго сержанта, влюбленного поэта и размышляющего историка.

До выхода своих воспоминаний в свет Дмитрий Левинский, увы, не дожил, но хочется верить, что книгу его читатель оценит по достоинству.

Павел Полян

Мы из сорок первого...

Светлой памяти без вести пропавших в 1941–1945 годах

Предисловие

*Не знаю что – судьба или подкова
Хранит меня в плену земных забот?
...И в смертный час я не умру, а снова
Вернусь обратно в сорок первый год.
Вернусь обратно в пекло канонады,
В соединенье братства на крови,
К отмеченным отсутствием награды —
Однополчанам жизни и любви...*

Михаил Дудин

*... Как я выжил – будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой...
Константин Симонов*

Эта повесть охватывает период трудных для страны лет – с тридцать девятого по сорок шестой (тут же подумалось: а когда у нас были легкие годы?). Повесть – не вымысел, а документ. Все события, факты и имена – подлинные (а все, что дается от третьих лиц, – специально оговорено).

Что побудило меня к ее написанию?

Неимоверную цену заплатила страна за Победу. Заплатила многими жизнями и многими судьбами, в том числе и моих товарищей по боям, и по плену.

На моей книжной полке стоит много послевоенной мемуарной литературы. Но сегодня я не могу ее читать: настолько суровая правда войны перемешана там с обязательной, но красивой ложью. Эти книги трактуют события в хвалебном тоне. Но пришло время, и появились другие авторы, пишущие по принципу: все, что было, все было плохо!

В память павших за Родину, в том числе и безвестных солдат, я себе не позволил ни того, ни другого. Что хорошо, а что плохо – пусть рассудит читатель. И о роли партии я не умалчиваю стыдливо, поскольку партией для меня в те годы были лучшие и храбрейшие мои товарищи и командиры, о которых могу сказать только добрые слова. Это они, партийные и беспартийные, завоевали Победу ценой жизни.

И пусть сегодня говорят, что тогда сражались не за Сталина, а за Россию, за Союз. Это не так: отдавали жизнь и за Сталина, но главное – отстаивали целостность своей земли, пусть даже и с тем порядком, который на ней утвердился. Бездарно и бесславно начал войну Вождь, но мы не желали отдать врагу на поругание все то светлое и радостное, с чем выросли и что нас окружало.

Я имею в виду, впрочем, только тех из нас, молодых, кому повезло и кто не успел напрямую столкнуться с репрессиями. Об этом забывать нельзя: страна жила двойной жизнью, причем одни ее граждане видели только хорошую сторону, а другие – только плохую. Мне

повезло, я не испытал на себе репрессий¹. Таким, как я, дорого было многое – и песни Дунаевского, и патриотические кинофильмы, и челюскинцы, и Чкалов, и праздничные демонстрации, и пионерские сборы.

Перед моими глазами стоят ушедшие навсегда сверстники предвоенных лет: какой одухотворенный свет излучают их прекрасные лица с давно поблекших фотографий. Сегодня их могут назвать чужаками, но я – один из них, и всегда буду с ними, павшими и живыми. Многим сегодня покажется странным, что мы в 15–16 лет мечтали попасть добровольцами в республиканскую Испанию, стремились схватиться с фашистской Германией, отчетливо сознавая, что, пока там Гитлер, нам спокойно не жить.

Почему большинство из нас были такими максималистами? Еще с Гражданской войны, расколовшей страну на два непримиримых лагеря, мы все сделались либо «нашими», «красными», либо – «не нашими», «белыми», то есть врагами. Истоки навязанной нам жесточайшей классовой борьбы – одновременно в Кремле и в коммунальных кухнях. Среднего было не дано – никаких компромиссов: «Врага – уничтожают!»

Каждый из нас с малолетства впитывал эти идеалы и готов был биться за них смертным боем – в школе, на улице, в окопах. Мы пели: «Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян!» Это понятно: остальных за борт! И еще мы пели: «Взвейтесь кострами синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих!» А здесь непонятно – крестьяне куда+то исчезли. А их за что? Ну, интеллигенция – врачи, учителя, инженеры, артисты – это понятно: классово чуждая, ненадежная, почти вражеская прослойка. Но почему тогда в «Мартирологе», выпущенном в Петербурге в 1995 году, столько рабочих и крестьян? Выходит, диктатура пролетариата только на лозунгах, а в жизни все иначе? Били «нэпманов», всех «бывших», а заодно и «гегемона революции» – сам пролетариат.

На примере своей нелегкой жизни и судеб тех, с кем рос, учился и воевал, я хочу показать, как мое поколение стало таким, каким требовалось стране. А от других она избавлялась.

Вспомним: после революции на улицах Петрограда полно подрастающей молодой поросли. Она бегает, шумит, ворует, дерется и хулиганит, а в обществе – полнейшее смятение умов: кто+то ворчит, другие – негодуют, третьи – разочарованы, четвертые – затаились в злобе, пятые – все потеряли... Этих уже не переделаешь, это в массе – сложившиеся люди, их можно только давить и давить. А вот молодежь следует вылепить по образцу и сделать ее готовой жертвовать собой за освобождение трудящихся всех стран от ига капитала, ибо мы – самый справедливый общественный строй, первые на этом историческом пути – островок социализма в море хищного, агрессивного мира.

И страна сделала нас такими, какими требовалось. Как тут не восхититься мудростью партии, сумевшей справиться с этой сложнейшей задачей в короткий исторический срок, когда впереди была война?!

На примере моей семьи берусь утверждать: не только партия приложила к этому руку, но и... мои родители. Из моих родных в 1918 году расстрелян дед (отец матери – Василий Иванович Комендантов, купец 2-й гильдии), а в 1937–1938 годах – два родных дяди (брат отца – Евгений и брат матери – Николай, бывшие офицерами-окопниками в Первую мировую войну). А меня все равно вырастили борцом за идеалы коммунизма. Сколько себя помню, отец и мать тщательнейшим образом скрывали от меня свое истинное отношение к Великому Октябрю либо действительно восприняли революцию сердцем и душой, как и многие российские интеллигенты того времени. За годы детства я при всем желании не могу припомнить ни единого раза, когда мои родители поругали советскую власть, выказывали

¹ О них детально повествуют издаваемые в Петербурге горестные сборники свидетельств несчастных людей о годах репрессий с 1918 по 1980-е годы под названием «Уроки гнева и любви» (составитель и редактор – Татьяна Тигонен). В 1990–1995 годах вышло семь сборников. – *Примеч. автора.*

ею недовольство, чем+либо возмущались. И вообще, на серьезные темы, за которые можно запросто «сесть», они ни со мной, ни при мне между собой не говорили. Чего не было – того не было.

Мои родители, трезво оценивавшие обстановку в городе и стране, просто избегали моего присутствия при подобных разговорах между собой. Они видели, не могли не видеть, как на их глазах наливался живительным соком еще один Павлик Морозов. Но в любом случае великое им спасибо. Если бы они по простоте душевной сызмальства вовлекли меня в оценку текущих событий вразрез с партийной пропагандой, то тогда моя жизнь сложилась бы по+другому. Будучи очень эмоциональным по натуре и не терпящим лжи и несправедливости, я оказался бы в стане «врагов народа», а так я до преклонного возраста свято верил во все то, чему меня учили в пионерии, комсомоле и партии. Я жил со страной, с большинством своего народа и был счастлив тем, что пути страны и мои пути не расходятся, как это бывало у других. Мы выросли такими, такими встретили войну – но об этом в повести.

И еще: с каждым годом, отдаляющим ныне живущих от тех страшных лет, особый интерес приобретают детали быта и жизни довоенной армии: питание, обмундирование, вооружение, взаимоотношения солдат со своими командирами, а также то, о чем мы думали в предвоенные годы, то, как встретили первый день войны. Такие шепетильные вопросы, как германский плен, нацистские тюрьмы и концлагеря, тоже ранее не могли освещаться с достаточной степенью достоверности.

Но тогда возникает вопрос: кто сейчас поверит тому, о чем думали тогда солдаты, – ведь прошло столько лет! Но я – один из них, и в моем архиве хранятся письма из армии к своей будущей жене: они написаны в тот самый «период трудных лет» – с 1939 по 1946 год (за исключением времени, когда я числился пропавшим без вести). Моя подруга сохранила письма, и наиболее характерные места из них нашли свое место в повести.

Повесть названа «Мы из сорок первого...». Мы – это те, кто погиб безымянным и не был захоронен, кто пропал без вести навсегда или сгинул в лагерях военнопленных и в концлагерях. Их следов не отыскать. В основном такая судьба была предначертана парням 1919–1922 годов рождения, составлявшим костяк рядового и сержантского состава довоенной кадровой армии. Из них вернулись с войны единицы, а павшие взывают к памяти.

Будем надеяться, что события тех лет найдут своих историков и исследователей, которым будет дано правдиво, объективно и без прикрас рассказать о том, как все было на самом деле.

Свидетельства и воспоминания еще живущих участников войны должны тому поспособствовать.

В том числе и мое свидетельство.

Глава первая На службе в РККА 1939–1941

Чернигов

1

22 июня 1939 года состоялся выпускной вечер в 11-й средней школе Петроградского района Ленинграда. Школа находилась на углу Большого проспекта и Пионерской улицы – напротив пожарной части. Этот день нам запомнился надолго. Нам – это бывшим ученикам четырех десятых классов. Мы прощались со школой и учителями.

Вечер был организован с теплотой и душевностью, выглядел торжественно. Все были нарядными, особенно девочки; был буфет с мороженым; была музыка, многие танцевали; мальчики ухаживали за девочками; кое-кто грешным делом сумел и выпить. Мы понимали, что школа позади, а впереди новая, никому не известная жизнь – жизнь еще не взрослых, но уже не детей. Какой она сложится у каждого из нас? Многие уже задумывались об этом, строили планы, о чем-то мечтали, объяснялись в любви. Было весело и неповторимо, но легкая грусть незаметно витала над нами, напоминая о том, что радость школьных дней ушла навсегда и сохранится на годы только в нашей памяти.

Незадолго до конца выпускного вечера мы с Ниночкой Граур сбежали и до утра гуляли по Малому проспекту: нам хотелось быть только вдвоем. Путь от Ждановской набережной – ее дома – до Бармалеевой улицы – моего дома – мы проделали за ночь несчетное количество раз. Белая ночь поддерживала возвышенное настроение, и нам было очень хорошо вместе.

Я познакомился с Ниной осенью 1937 года, когда был переведен из класса «восьмой-четвертый» в класс «девятый-третий». Перевели меня из-за плохого поведения, чтобы в этом новом классе, который составляли почти одни девочки, меня наконец исправили. Мальчиков вместе со мной было всего пятеро, а остальные незадолго до того ушли во вновь созданную артиллерийскую спецшколу, готовившую ребят в военные училища. Я же мечтал о море. Старостой класса и оказалась Ниночка Граур – властная, решительная, с твердым характером, но милая, добрая и отзывчивая девочка. Ее отец – кадровый военный – был родом из южной Бессарабии, как раз из тех мест, где мне позднее придется служить и воевать. Я звал ее «молдаваночкой»...

Так случилось, что за 9-й класс я действительно поумнел, исправился и перестал представлять собой «темное пятно» на фоне очередного класса. Может, была в этом и заслуга Ниночки, а может, возраст повлиял – когда-то надо становиться человеком. Более того, за девятый класс мы с Ниной подружились, а в течение десятого – стали неразлучными друзьями. Так «барышня и хулиган» нашли друг друга. Часов, совместно проведенных в школе, нам стало не хватать, и после уроков мы до вечера гуляли по городу.

Нине часто надо было что-то найти и купить съестного для дома, а я случайно оказывался на ее пути, и мы вдвоем бродили по магазинам. Мы сполна ощутили всю радость общения друг с другом и осознали, что нам обоим хорошо только тогда, когда мы вместе. Мы ни от кого не скрывали наших более чем товарищеских отношений, и нас никто не пытался дразнить: девочки видели, что все это серьезно, наверное поняв даже раньше нас самих.

В ту июньскую ночь после выпускного вечера мы гуляли, взявшись за руки, и кто-то из нас двоих первым произнес заветную фразу:

- Как хорошо бы так рядышком пройти всю жизнь...
- Да, – ответил другой.

Этим все было сказано, и больше к этому вопросу мы никогда не возвращались. Родители Ниночки не беспокоились, что она всю ночь где-то пропадает: они знали, что она может быть только со мной, а я к тому времени пользовался их доверием. Только под утро мы разошлись по домам. Нелишне напомнить сегодняшнему читателю, что обниматься и целоваться «просто так» при серьезных отношениях не очень было принято в те годы. В противном случае мгновенно пропадала вся целомудренность и таинственность отношений. При этом легко было опознать возникшее глубокое чувство, которое мы старались сохранить в чистоте и трепетно желали продлить, насколько удастся, святость и непорочность отношений, чтобы они не увяли, не обесцветились под приливом плотских вожделений. Мы берегли выстроенный в своем сознании лучистый мир детской радости, очень дорожил и всем этим, оберегали и боялись утратить то светлое, дорогое и единственно-неповторимое, что дарил нам жизнь. Мы непроизвольно продлевали всем этим свое затянувшееся детство и не хотели его терять. У нас не было цели стремиться к удовлетворению малопонятных желаний расцветающей юности, но мы твердо хотели обрести в каждом из нас такого друга на всю жизнь, которому можно будет верить больше, чем себе. А все разрушить можно было так легко: необдуманном движением руки, жестом, взглядом, словом – чем угодно... Но мы как сговорились: все у нас было ладно, а потому и сохранилось навсегда.

Такова была точка зрения обоих. Мы считали, что все придет в свое время, а торопить события ник чему. Скоро сама жизнь позаботится об этом.

Нина, окончившая школу с аттестатом отличницы, была автоматически зачислена студенткой первого курса географического факультета университета. Мне же, имевшему в аттестате «четверку» по химии, предстояло сдавать вступительные экзамены. Я подал документы на судоводительский факультет Института водного транспорта, но медкомиссия не пропустила по зрению, и мне предложили поступать на судомеханический факультет, что я и сделал. В результате июль ушел на подготовку к конкурсным экзаменам. В августе я их успешно выдержал, и меня зачислили студентом первого курса в группу С-11.

Казалось, впереди все безоблачно, но это было далеко не так.

В ту памятную ночь с 22-го на 23-е июня мы не просто беззаботно гуляли, наслаждаясь переполнявшим нас взаимным чувством веры друг в друга, надежды и любви, а на самом деле прощались перед долгой и страшной разлукой, о неотвратимости которой и не подозревали. Трудно было и предположить, что ожидало меня впереди. Может показаться странным, но я всегда неосознанно готовил себя к чему-то необычному. Примеров тому много.

Пример первый. В пору, когда мне было лет 12, я выкидывал такое: после школы, выбрав день с морозом, метелью и ветром, уезжал в Пулково только для того, чтобы обратный путь проделать пешком. На это уходило несколько часов. К вечеру я, усталый, вваливался домой с синим носом. Аппетит после того был отменный, но мама не ругала: она давно привыкла к моим чудачествам и считала, что мне виднее, что я должен делать. Но я-то еще сам не знал, что мне надо. Проверить себя? Возможно. Для чего? Наверное, так устроены все мальчишки.

Пример второй. В те же годы, увлекшись мечтой о море, придумал себе «тренаж кочегара» – назовем это так. Раздевшись до пояса, я вставал перед топившейся печкой и открывал дверцу настежь, чтобы меня обдавало жаром. В каждую руку брал по два чугунных утюга и точно воспроизводил движения кочегара морского судна при забросе угля в топку котла. При этом я уделял внимание поворотам и наклонам туловища с учетом обязательной качки. Это занятие продолжалось в буквальном смысле «до седьмого пота».

Я готовил себя к морю. Разве мог я тогда знать, что действительно буду служить на флоте именно старшим механиком – хозяином котлов и машин?

Пример третий. Любил обливаться холодной водой, закаляя организм. Бегал на длинные дистанции более 25 километров, проезжал на велосипеде до 150 километров в день. Это – до Луги.

Пример четвертый. Сдав экзамены в институт, на следующий день обратил внимание на большой плакат, висевший на здании института: «Товарищи студенты! Поможем Торговому порту!» Здание института примыкало к Главным воротам порта – все было рядом. Кончался август 1939 года, и, видать, рабочих рук не хватало. Мы сколотили бригаду и проработали в порту до начала занятий в институте. Порядок расчета с нами был простой: заработанные деньги выдавали в тот же день за выполненную норму, причем удавалось заработать за смену до 70 рублей на каждого. Это по тем временам были большие деньги: чайная колбаса стоила 80 копеек за 1 килограмм, ветчина и масло – 1 рубль 60 копеек, сахарный песок – 30 копеек.

Первые дни работали на разгрузке железнодорожных вагонов, прибывших с юга с тюками хлопкового семени. Эта работа считалась легкой. Труднее оказалось загружать солью открытые трюмы финских грузовых пароходов. Одни из нас ссыпали соль из тачек в трюм, а другие, раздетые до трусов из-за жары, разравнивали ее лопатами. Я выбрал трюм, обливался потом, каждая ссадинка на теле давала себя знать, когда на нее попадала соль – мы были белыми от нее. Финские матросы, думая, что мы «ишачим» с голодухи, предлагали нам хлеб, но мы, не задумываясь о нормах международного этикета, показывали им такие понятные на всех языках мира жесты, что они в ужасе отскакивали, принимая нас за «гопников», но никак не за студентов. Закончив работу, мы тут же купались, получали расчет и разъезжались по домам. Спрашивается: зачем мне, сыну вполне обеспеченных родителей, нужны были тяготы полукаторжного труда? Если требовались мне деньги на «карманные расходы», то мог попросить – родители никогда не отказывали. В чем же дело? По-видимому, все то же: проверка силы воли и физических возможностей. Не мог же я чувствовать наперед, что меня ожидало? Проработав с неделю, мы расстались с портом, дабы подготовиться к занятиям и купить тетради, чертежные принадлежности и другие, необходимые для учебы вещи.

Пока мы трудились в порту, многое произошло в стране и в мире, что определило судьбы народов на весь обозримый последующий период.

19 августа в Москве состоялось сверхсекретное заседание Политбюро, о котором Дмитрий Антонович Волкогонov расскажет только 16 января 1993 года в газете «Известия». А Виктор Суворов, автор книг «Ледокол» и «День-М» (1993 и 1994 годы соответственно), утверждает, что в тот день на заседании Политбюро было принято решение начать освобождение Европы от фашизма военным путем не позднее лета 1941 года. Все последующие действия Советского правительства в 1939–1941 годах, по Суворову, будут полностью направлены на подготовку удара по фашистской Германии. <...>

20 августа мало кому известный комкор Г. К. Жуков начал блистательную операцию по разгрому 6-й японской армии на реке Халхин-Гол в братской Монголии, а 23 августа в Москве был подписан Договор о ненападении между Германией и СССР, получивший название «пакт Молотова-Риббентропа».

В нем были определены сферы государственных интересов обеих сторон, то есть попросту поделена Европа. Поскольку пакт был заключен сразу же после бесплодных переговоров в Москве с военными делегациями Англии и Франции, то все сочли пакт фикцией, полагая, что это вынужденный шаг с целью наказать Англию и Францию за несговорчивость. Но мы ошибались: пакт был глубоко продуман хитрым Сталиным, на этот раз ловко обдурившим Гитлера. В результате Германия опять получит войну на два фронта, как в 1914 году.

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу, а мы впервые сели за студенческие парты и были заморожены вводной лекцией доцента Пурышева². Он очень живо, популярно и увлекательно преподнес нам историю борьбы пароходных компаний мира за своеобразный приз – «Голубая лента Атлантики». Мы были восхищены услышанным и сразу почувствовали себя настоящими моряками. Увы: нас ожидали отнюдь не морские дороги.

В этот же день мы узнали, что 4-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о всеобщей воинской обязанности»³, который непосредственно коснулся и нас, только что ставших студентами.

До 1939 года всеобщей воинской обязанности в нашей стране не было. В армию призывали выборочно. Призывной возраст составлял 21 год.

По новому закону каждый юноша обязан был служить в армии, а призывной возраст снижен до 19 лет. Кроме того, для окончивших десять классов средней школы призывной возраст устанавливался 18 лет, и нам сперва надлежало отслужить в армии положенный срок и только после этого учиться в институте. Во исполнение принятого Закона осенью 1939 года ушли служить парни 1918–1920 годов рождения, а также и мы, 1921 года рождения, окончившие 10 классов и достигшие 18-летнего возраста. Все это обсуждению не подлежало. Можно было только представить себе, насколько за короткий срок увеличит свои ряды армия.

Уже на следующий день, 2 сентября, мы проходили призывную комиссию Кировского райвоенкомата, работавшую во Дворце моряков. Всех определили в стрелковую полковую школу, любезно пояснив, что пока Военно-морскому флоту столько призывников не требуется. Не успев начать учиться, мы вынуждены были оставить институт. Правда, нас утешили: «Ваши документы сохраним, и когда отслужите, – осенью 1941 года – ждем вас обратно в институт». Что такое «два года» в 18 лет? Чепуха! Никто из нас и не переживал: отслужим и вернемся. Любовь тоже подождет: крепче станет!

Эх, юность, юность!

Тем временем 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Тучи на мировом небосклоне сгущались. Позднее историки назовут этот день началом Второй мировой войны. Люди тогда еще так не считали, а мы, молодые, вообще находили, что объявленная война где-то очень далеко, нас не затрагивает, хотя рядом, в соседней Польше, уже умирали польские солдаты, пытаясь сдержать натиск нацистов...

Ребята в институте появляться не стали, ожидая отправки в часть. Я же получил повестку, обозначающую, что оставлен «до особого распоряжения», поскольку мне не доставало целых четырех месяцев до 18-летия⁴. Это худо: чем же заняться? Проболтавшись без дела какое-то время, я узнал, что в институте, потерявшем в один день всех своих первокурсников, открыт набор на «второй поток»: это приглашались на учебу девочки, не прошедшие по конкурсу, а также ребята 1922 года рождения, которым еще рано идти в армию. Вскоре «поток» заработал, и я снова приступил к учебе.

17 сентября Красная армия перешла польскую границу, чтобы протянуть «руку братской помощи», как тогда говорилось, нашим братьям – западным украинцам и белорусам.

² Возможно, имеется в виду М. М. Пурышев, преподававший также и в Ленинградском кораблестроительном институте.

³ Согласно этому закону, срок службы в армии продлен до 3 лет, во флоте, до 5 лет. В авиации и пограничных войсках – до 4 лет. Закон 1939 года отменил действовавшие до этого ограничения на призыв в армию по классовому признаку (однако в военные училища по-прежнему принимали только детей рабочих и крестьян). От призыва освобождались учащиеся институтов и техникумов, проходившие военную подготовку в учебных заведениях. Выпускникам техникумов присваивалось звание лейтенант, а выпускникам институтов – капитан; все они зачислялись в запас. Фактически этот Закон означал проведение скрытой мобилизации. В армию были призваны запасники младших возрастов и почти все командиры запаса.

⁴ Д. М. Левинский родился 31 декабря 1921 года.

Мы привыкли к таким скоротечным локальным конфликтам и воспринимали их спокойно: раз Сталин считает это нужным, значит – так и надо!

Неожиданно меня вызвали еще на одну призывную комиссию. Теперь – по месту жительства через Петроградский райвоенкомат. Даже показалось любопытно: вдруг на этот раз на флот попаду? Призыв проходил в Доме культуры имени Ленсовета на Кировском проспекте. Итог был поразителен: меня признали негодным к военной службе по зрению и выдали «белый билет». Я растерялся, не ожидая такого исхода. Теперь мне оставалось продолжать учебу в преддверии первой экзаменационной сессии. Я перестал думать об армии и даже записался в секцию борьбы вольного стиля при спортобществе «Водник». Мы занимались по вечерам в ДК моряков.

У меня стало что-то получаться, скоро должны были присвоить спортивный разряд, я уже был включен в состав сборной института на городские соревнования, которые планировалось провести 17 декабря на улице Софьи Перовской. В институте я учился охотно: прилежно чертил сложнейшие эпюры по начертательной геометрии и осваивал основы технического черчения. Нина тоже успешно занималась в университете. О завтрашнем дне мы не думали, оба были заняты «по горло», так как учеба в вузе отличалась от школьной, если, конечно, хочешь учиться, а не «валить дурака».

30 ноября внезапно началась «война с белофиннами», так ее тогда называли, и я сразу получил повестку на отправку в часть. Я знал, что рано или поздно уехать придется, неопределенность положения изрядно надоела, и я горевать не стал. Ехать так ехать! Сборы просты и задача одна: надеть на себя все, что похуже. Это не сложно: «получше» отсутствовало, и можно ехать в своей повседневной одежде.

2

Последние дни пролетели незаметно. Вот и 8 декабря. В тот день моя жизнь круто изменилась. Я надолго покинул свой город, свою любовь, всех родных и близких. Потом доведется свидеться далеко не со всеми: многих не будет в живых.

<...>

Мне вспоминаются проводы тех далеких дней. Никому и в голову не могло прийти уклоняться от службы в армии. Мы отлично знали, что впереди – схватка с фашизмом. У всех еще жила горечь и боль от недавнего поражения республиканской Испании и «чесались руки» наказать Гитлера.

Иногда становится обидно от мысли, что мои проводы в 1939 году выглядели настолько буднично и прозаично, словно их и не было. Утром, уходя на работу, отец только произнес:

– Ну, служи! Писать не забывай... – и исчез за дверь. Он меня очень любил, но к нежностям не был расположен. Да и сколько можно было меня провожать? Практически с сентября по декабрь я все время «уезжал», оставаясь в Ленинграде. Родители успели привыкнуть к постоянным «вот-вот», «не сегодня-завтра». Уехала и моя тетушка Анна Ивановна служить в действующую армию на севере Карелии в районе города Кемь. Ее призвали сразу по окончании 1-го Ленинградского мединститута. Призвали двоюродного брата Юрку 1916 года рождения, имевшего отсрочку от призыва.

На очереди был другой двоюродный брат – Леша. Он 1922 года рождения, и ему идти в армию в следующем – 1940 году. Выходило все нормально – ни к чему волноваться.

Быть может, отец, никогда не служивший в армии, будучи единственным кормильцем многодетной семьи, оставшейся после смерти моего деда в 1902 году, плохо представлял себе военную службу? Но у него было столько приятелей среди военных, особенно офицеров Первой мировой войны, да и потом пятеро его родных братьев в разное время служили в армии: одни – в старой, а другие – в новой. А может, отец думал, что пока нас, молодых, обу-

чат, финская война закончится? Не знаю, но ни объятий, ни поцелуев не было. Отец вообще не был склонен к подобному. Я не припоминаю, целовал ли он меня когда-нибудь. Мама – наверное, целовала, но и этого не помню. Правда, я какое-то время отбился от дома, хулиганил в школе и во дворе. Родители махнули на меня рукой, занятые исключительно добыванием денег. Отец – всю жизнь на двух работах, мать – с утра до вечера за пишущей машинкой. Они не были сентиментальными людьми, которые могли «сюсюкать» по поводу и без повода над своим единственным чадом. Потому я не находил ничего предосудительного в их действиях. Это сейчас – на склоне лет – кажется странным, а тогда все представлялось естественным. Я оставался мальчишкой, которому не свойственно было анализировать, чем руководствовались родители...

После ухода отца я поспешил к Нине. Мне следовало прибыть на сборный пункт к 12 часам дня, и время для прощания с Ниной у меня оставалось. Погода в то утро стояла сухая, почти бесснежная, с легким морозцем.

На Нине, как всегда, был любимый мной беличий полушубок серого цвета и белый пуховый берет. На мне – старенькое демисезонное пальто: новенького я не имел. На голове – мечта каждого ленинградского мальчишки – морская фуражка с «крабом», на котором в первый и в последний раз гордо красовался красный флажок Совторгфлота. Он и сейчас хранится дома в коробочке, как память тех далеких дней и несбывшихся надежд.

Ниночка в тот день не пошла на занятия в университет, и мы гуляли по городу. Я прощался не только с Ниной, но заодно с Петроградской стороной и Васильевским островом. Нина рассовала мне по карманам плитки шоколада в дорогу, а я угощал ее им же. Так, сладостью шоколада, мы пытались уменьшить горечь предстоящей разлуки, тем более что всего-то на два года!

Простились тепло и дружески. Обещали друг другу писать. Напоследок Нина уверенно произнесла:

– Служи спокойно, Димок. Я буду ждать тебя столько, сколько потребуется. Не забывай меня, пиши... – В ту минуту она не могла знать, что ей предстоит сверхчеловеческая задача – прождать своего суженого целых семь лет, но она была готова с честью справиться с тяжелым испытанием.

А я если останусь жив, то хотел ответить ей тем же. Это было единственное, что мы тогда твердо знали: мы бесконечно верим друг другу иждеждемся встречи, чего бы это ни стоило. Но об этом – впереди. Впоследствии Нина признавалась в письмах, что тогда она не очень поверила моим обещаниям часто писать ей: «Все обещают, а писать ленятся». Можно подумать, что она не раз провожала мальчишков в армию.

Расстались около ее дома, и я поехал на трамвае за чемоданом. Мама была давно одета и волновалась, что я могу опоздать. Она пошла проводить меня до остановки на углу улицы Ленина и Большого проспекта. Подошел трамвай № 8. Мама, всплакнув, поцеловала меня, и я уехал, не ощутив всю значимость момента: я оставил отчий дом, оставил родителей и впервые отправился один неизвестно куда, теперь мне предстояло самостоятельно барахтаться в волнах житейского моря – родительской опоры рядом не будет, а мне еще нет и 18 лет, я еще маленький.

Сегодня считаю, что отнимать единственного сына у немолодых родителей, которым перевалило за пятьдесят, жестоко. Каково им будет в опустевшей квартире свой век доживать? Они станут ежеминутно заглядывать в почтовый ящик, но их любящий сын на пять писем девушке отправит лишь одно в адрес родителей. Наверное, так было всегда... А что касается единственного сына, то Сталин, преследуя возвышенную цель – построение коммунизма, – никогда не задумывался о благополучии отдельной советской семьи: причем тут семья, когда пролетариат взялся перевернуть мир вверх ногами во имя общего счастья, но

не каждого в отдельности. А ведь до революции царь не призывал в армию единственных сыновей⁵. Доживем ли мы до этого?..

В трамвае на меня произвела неизгладимое впечатление сцена из невеселых: на задней площадке, где я стоял, молодая женщина в слезах буквально повисла на шее мужчины в морском бушлате. По-видимому, ее муж, как и я, ехал на сборный пункт мобилизованных, а попросту – на войну, которую тогда никто всерьез не воспринимал, но она уже была рядом. Оглядевшись вокруг, я заметил, что в трамвае ехало много мобилизованных, в основном 1910–1915 годов рождения. Всех провожали жены с заплаканными глазами. Мне не забыть выражения глаз женщины, стоявшей рядом: она оплакивала мужа так, словно уже его потеряла. Он не успокаивал ее: видно, его одолевали такие же мрачные мысли.

Горе моих случайных попутчиков было настолько безысходным, что я невольно почувствовал разницу между собой, призывником, которого отняли у родителей на конкретный срок службы, и ими, мобилизованными, оторванными от семьи на неопределенный срок, а главное – прямо на войну. Потому, как они держались, не было сомнения в том, что на благополучный исход мало кто надеется, и все в мыслях давно приготовились к худшему.

Когда мальчишки играют в войну, они никогда не плачут. В том возрасте война представляется им азартным, героическим, чуть ли не радостным занятием. Они далеки от мысли, что любая настоящая война – большая или малая – несет горе многим семьям, потерю любимых людей. Разве мальчишкам до того? И я был не лучше их, не ощущая никакой тревоги: победно закончились бои у озера Хасан в прошлом году и на реке Халхин-Гол совсем недавно, начавшаяся финская война пока была далеко и не ощущалась зримо в ближнем тылу, каким был Ленинград. Закончится благополучно и эта война. А как же иначе? Всегда так было и всегда так будет! Иначе быть не должно!..

Сборный пункт – на площади Стачек. В военкомате – полно отъезжающих. Предъявляя повестку принимавшему нас майору, я одновременно протянул ему и «белый билет», робко спросив:

– А что делать с этим?

Майор, едва взглянув на сей драгоценный документ, невозмутимо порвал его и небрежно бросил в урну:

– Следующий!..

Так я снова стал годным к строевой службе. Я не суеверный человек, но нетрудно представить себе, – не тогда, конечно, а сейчас, – что могло ожидать меня в Ленинграде в положении «белобилетника», если отбросить моральный ущерб: «Как это я не гожусь в армию?» Этого я принять не мог – а что скажут девушки? Я склонен полагать, что майор, не думая в тот момент ни о чем, кроме выполнения плана по отправке призывников в часть, в конечном счете невольно поступил с документом в моих интересах: в результате к началу большой войны я стал достаточно опытным солдатом, сержантом, младшим лейтенантом, наконец, и смог постоять и за себя, и за людей...

Мы распрощались со своими гражданскими космами, после чего нас накормили вкусным обедом. Помню, на второе подали гуся с тушеной капустой. Я набросился на обед, так как дома поесть не успел, а до того с Ниной нажевался шоколада, но он горячий обед не заменит. Почему это так врезалось в память? Разве я голодал? Скорей всего, вечно не хва-

⁵ В 1874 году вместо рекрутской обязанности, просуществовавшей почти два века, была введена всеобщая воинская обязанность. Призыву в армию подлежали все молодые мужчины, которым к 1 января исполнилось 20 лет. Призыв начинался в ноябре каждого года. От солдатской службы освобождались священники, медики и давалась отсрочка до 28 лет лицам, проходящим обучение в учебных заведениях. Количество подлежащих призыву в те годы намного превышало потребности армии, и поэтому все, кто не подпадал под освобождение от службы, тянули жребий. Шли служить те, кому выпал жребий (примерно один из пяти). Остальные зачислялись в ополчение и подлежали призыву в военное время или при необходимости.

тало времени поесть нормально: все происходило набегу. Дома почти всегда был обед. Не мог же я тогда предположить, сколько лет мне придется прожить в постоянном недоедании, считать – в голоде.

Под вечер двинулись колонной на Витебскую товарную станцию. Эшелон теплушек ушел только к ночи.

3

Обстановка в поезде была тяжелой: все смирились стем, что в жизнь каждого из нас ворвалось что-то новое, незнакомое, тревожное.

Все подспудно понимали, что уехать намного проще, чем потом вернуться: отныне мы себе не принадлежали. Одни из нас без конца глушили припасенную водку, другие – горланили песни, а третьи – лежали пластом, уткнувшись носами в чемоданы, наедине со своими думами, как и я.

Переезд в теплушках не выглядел светло и радостно: вагоны – грязные; нары – жесткие, вонючие; болталась над головой закопченная керосиновая лампа; напоминала о себе параша; стоял сплошной гул пьяных голосов и мат. Знакомых пока никого не было. Среди нас были рабочие, студенты, вчерашние школьники. Мы все были разные и каждый – сам по себе, но вскоре нелегкая солдатская служба объединит нас в сплоченный воинский коллектив.

Осталась в памяти песня, которую пел вагон. Это была одна из ходивших по Питеру блатных песенок двадцатых годов. Приведу пару куплетов, не ручаясь за подлинность текста:

...Лети ты, поезд, по оврагам и горам,
Летит он неведомо куда.
Я, мальчик, назвался бандитом и вором,
Я с жизнью простился навсегда!

Лети ты, поезд. Прости, Анята.
Кондуктор, нажми на тормоза:
Я матери родной в последнюю минуту
Хочу показаться на глаза...

Эту песню обычно напевали вполголоса, тренькая на гитаре, а в хоровом исполнении истошными голосами пятидесяти молодых здоровых глоток никогда слышать не доводилось. Это была не песня, а многоголосый рев.

Песня гремела на путях, заглушала шум летящего в ночи эшелона, заглушала удары колес на стыках рельсов, стук от непрерывных толчков вагонных сцепок и даже паровозные гудки. Она рвалась из вагона на простор ночи. В эту песню завтрашние солдаты, которые вовсе не были «бандитами и ворами», вкладывали все, что связывало их с родным городом. Этой надрывной песней они прощались с Ленинградом и всей прежней жизнью.

Странно, но за всю дорогу других песен наш вагон не пел. Эта блатная песня окажется деланным мусором, показной шелухой, которые быстро слетят с молодых парней: они в самое короткое время станут заправскими солдатами, сержантами, лейтенантами – скоро их будет не узнать, и они будут петь совсем другие – строевые – песни. Сталин знает, что делает! В 1941 году именно эти парни заслонят страну от фашистских орд и примут на себя первый удар врага. Они почти все погибнут, мало кто останется в живых. Так будет угодно Всевышнему, и песня продолжала звучать, пробуждая в душе смутное предчувствие этой тяжелой и трагической судьбы. Даже слова песни: «поезд летит неведомо куда», «я с жизнью про-

стился навсегда», «я матери родной в последнюю ми нуту хочу показаться на глаза», – если вдуматься поглубже, начинают звучать совсем по-другому, обретая свой зловещий смысл. Надо же было кому-то выбрать именно такую песню!

Мы тогда и не предполагали, что нас ожидает впереди жестокая и долгая война; что будет блокада Ленинграда; что враг дойдет до Волги и оккупирует огромную территорию; что с войны вернутся 2–3 человека из 100⁶ и далеко не все найдут своих близких живыми и здоровыми. Об этом мы не думали и никакого понятия о возможных перипетиях военной службы не имели. В противном случае пили бы водку и пели песни все поголовно, а не через одного. Мне очень повезло: я попал в эти 2–3 человека и вернулся, пройдя невероятные испытания, хотя знаю, что на фронте было несравненно тяжелее...

Поезд останавливался на всех узловых станциях, где каждый находил себе дело. Я сумел с дороги отправить Нине три открытки – из Дно, Витебска и Гомеля. Почтовые ящики отыскивал с трудом, поскольку эшелон предусмотрительно останавливали на дальних запасных путях. Каждый такой «забег» я рисковал не найти свой эшелон или опоздать к его отходу: ночью все эшелоны похожи, а вагоны – тем более. В то самое время ребята сбивали пломбы и замки с других вагонов, стоявших на путях; находили в них водку; тащили ящики с консервами, с печеньем, на бегу крича:

– Нас не догонишь!..

Пьянка, песни, мат в вагонах не прекращались. И так – всю дорогу.

4

В ночь с 10 на 11 декабря прибыли в Чернигов. Этой же ночью нас ожидали баня и солдатское обмундирование. Пьянки кончились – ребята сразу стали серьезнее. Когда мы, одевшись, посмотрели друг на друга, то не могли узнать – кто из нас кто? Мы и не подозревали, что волосы придают человеку такой индивидуальный колорит. Мы все стали на одно лицо, но пройдет парадней, и мы без труда разберемся друг в друге.

По пути в военный городок с интересом читали городские вывески на украинской мове, например – «Перукарня». Думали, что это пекарня, а оказалось – парикмахерская.

Нам предстояло пройти недолгий карантин в 236-м запасном стрелковом полку Киевского особого военного округа. Моя рота – 2-я пулеметная. Дома по сей день хранятся конверты, посланные Нине из Чернигова с совершенно четким адресом: «УССР, Черниговская область, город Чернигов, 236-й запасный стрелковый полк, 2-я пулеметная рота». Хотелось крикнуть: «Разведчики всех стран – не теряйтесь!» К концу года эта «лавочка» закроется, и будут введены полевые почты⁷. А пока, пожалуйста – информация открыта.

На второй день пребывания в Чернигове я сообщаю Нине в письме от 12 декабря: «... кормят здорово, но однообразно: щи, каша, хлеб, сахар, чай. Черт его знает, а настроение хорошее, если не больше».

В чем дело? Насчет хорошего настроения не понятно: маменькина сыночка оторвали от родителей, бросили в запасный пехотный полк, намотали на ноги двухметровые обмотки,

⁶ Согласно официальным данным, всего за годы войны в подразделениях армии и флота, других военизированных ведомств, а также в трудовых батальонах в промышленности перебивало 34,5 млн. чел. В то же время безвозвратные потери военнослужащих списочного состава в годы Второй мировой войны составили 8,7 млн. чел., а с учетом призванных, но не успевших принять военную присягу – 9,2 млн. чел. (Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование/ Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 247–248). Таким образом, с войны не вернулся практически каждый 4-й мобилизованный в армию гражданин.

⁷ Для обеспечения почтовой связью действующей армии Наркоматсвязи СССР создал систему военно-полевой почты во главе с Центральным управлением полевой связи. Народный комиссар связи СССР И. Т. Пересыпкин был назначен заместителем Наркома обороны и начальником Главного Управления связи Красной Армии по совместительству. В декабре 1941 года в армии началось создание Управления военно-полевых почт. Органы военной связи при армиях развернули военно-полевые почтовые базы, а при штабах входящих соединений – полевые почтовые станции.

неизвестно что его ожидает, а он радуется. Уж не «того ли» он? Нет – все гораздо проще: еда – хорошая; товарищи по роте – лучше не бывает; командиры – тоже; сам – молодой и здоровый. Чего еще желать? Да, забыл: девушка еще любит...

А что касается питания, то оно для солдата, особенно для молодого растущего организма, дело первостатейное. Так, как нас кормили первый месяц в Чернигове, больше не кормили нигде и никогда: борщ был мясной, наваристый, густой, одним словом, настоящий украинский борщ; на второе – куски мяса с кашей; на третье – кисель или компот; хлеба на столах – сколько съедим, он не нормировался; добавки было вдоволь, пока не наедемся. Я не припоминаю, чтобы дома в последние годы бывали такие полноценные обеды. Стыдно вспоминать, но братва за столом кидалась хлебом.

Интересно и другое: молодые ребята, призванные из республик Средней Азии, не ели свинину, но – недолго. Они говорили:

– Моя чушка не кушай, Коран не позволяй. – Мы с удовольствием поглощали за них жирные куски. Но, увы – вскоре Коран стал прощать им этот грех, и они не отставали от нас.

Зимой 1939/40 года СССР увеличил армию в 2,5 раза, в том числе за счет нас, окончивших среднюю школу. А тут еще и мобилизация в трех пограничных военных округах – Ленинградском, Белорусском и Киевском. Потребовалось накормить столько лишних молодых ртов! Финская война еще была в начальной стадии и не успела повлиять на продовольственные возможности южных военных округов – Киевского, Харьковского и Одесского, – но скоро положение изменилось. И еще до того, как оно изменилось, уже через месяц, уходя из столовой, мы стали набивать карманы хлебом на день про запас, и им больше никто не кидался: постепенно мы втянулись в режим.

Что мы тогда носили? Письмо от 13 декабря характеризует наше обмундирование: «На каждом шагу дают себя знать мелочи, о которых не позаботилось начальство: разные ботинки (один длиннее), отсутствие шнурков (ищи, где хочешь), ужасные шинели...»

Все так и было. Как мы хохотали, когда рядом вставали высокий Саша Белостоцкий в шинели выше колен и невысокий Жора Бурцев в шинели до пят! К тому – нижняя кромка шинели выглядела у них так, словно ее отъели собаки. Но такое положение продлилось недолго, и к концу декабря каждый сумел подобрать себе шинель по росту и по размеру.

На голове напоминала о легендарном прошлом Красной армии буденовка времен Гражданской войны. В моем альбоме хранится черниговское фото, где я снят в первые дни армейской службы. Носили шинель и все остальное, что положено, в том числе ботинки и совершенно новый для нас элемент – чудо-обмотки двухметровой длины. К ним мы привыкли нескоро: слабо обмотаешь ногу – весь взвод на ходу с хохотом наступает на размотавшийся конец, хлопот не оберешься; туго замотаешь – нога вспухнет, ступать больно. Ничего, научились носить и обмотки. Вскоре многие из нас предпочли обмоткам краги, и я в том числе – мне они пришлись по нраву: быстро надеваются, ногу облегают свободно, а ремешки сами не расстегиваются.

Наше снаряжение, с которым расставались только ночью, если спали в казарме, состояло из заплечного ранца на ремнях, противогаза, саперной лопатки, фляги и двух подсумков для патронов. К этому вскоре добавились плащ-палатка и каска с подшлемником. Оружие – не в счет.

Первое время режим дня на карантине был более чем щадящий: занятия только до обеда. В основном – изучение материальной части оружия пулеметной роты: станковый пулемет «Максим», трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 года, пистолет ТТ.

Занимались и строевой подготовкой, частыми были политзанятия и политинформации. После обеда валялись на койках и травили анекдоты. Занятия в поле проводились только до 15 градусов мороза, а если температура опускалась ниже – занимались в казарме. Вскоре и этот распорядок изменился.

На четвертый день пребывания в Чернигове рота получила боевое оружие, и мы в первый раз вышли на стрельбище.

На карантине близко познакомился с двумя, как и я, несостоявшимися студентами. Я спал с ними рядом. Это были: Геннадий Травников из Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТа) и Алексей Токмачев из Ленинградского кораблестроительного института (ЛКИ). Травников был племянником известного академика Щербы⁸, и с Геной мы прослужим вместе год.

Мы быстро научились ходить в строю, да еще с заливистой песней и со свистом. Запевал всегда Митя Колобов. Мы были ленинградцами и старались держать «марку» в военном городке.

В первой шеренге взвода шли четыре командира отделения – немолодые командиры запаса, недавно мобилизованные. Их личное оружие – пистолеты ТТ. (Я и в дальнейшем буду уделять внимание вооружению частей, в которых мне доведется служить). Во второй шеренге шагали четыре первых номера пулеметных расчетов взвода, и в их числе Гена Травников. Каждый нес на плече кожух пулемета весом 16 килограмм. Личное оружие – те же пистолеты ТТ. В третьей шеренге взвода – вторые номера пулеметных расчетов: Митя Колобов, Сережа Никитин, Саша Скворцов и я. Каждый из нас нес самую тяжелую часть пулемета – станок весом 32 килограмма – и личное оружие – пистолет ТТ. Не припомню, как я вошел в эту славную когорту «тяжеловесов». По-видимому, вызвался сам: здоровье позволяло носить тяжести.

Мы с Травниковым составляли один бессменный пулеметный расчет в течение почти всего 1940 года. Первый номер вел огонь, а второй номер следил за прохождением пулеметной ленты, устранял ее перекосы, вставлял новую и в любой момент был готов заменить товарища.

Станок пулемета самому не поднять, не надеть и не снять. Одевали и снимали станок специально выделенные бойцы отделения. Они заводили нам станок через голову так, чтобы рукоятка оказывалась на груди, а катки и станина – сзади: они ложились на ранец. Мы, вторые номера, имели преимущество перед остальными бойцами взвода: наши руки всегда были свободны, и мы в любой момент могли скрутить себе сигарку, что не удавалось сделать на марше другим, поскольку они несли винтовки и коробки с пулеметными лентами. Первый из подносчиков патронов, следовавший за нами в четвертой шеренге, нес не коробку с лентами, а щиток пулемета весом 8 килограмм. Таким образом, у всех, кроме вторых номеров, руки были заняты, и нам приходилось скручивать сигарки почти всему взводу, благо махорка не была в дефиците.

В «тяжеловесах» я прошагал весь первый год службы (пока не стал командиром отделения) и никаких неудобств, кроме повышенного аппетита, не испытывал. Правда, ребята подшучивали, что расти перестану. Путь следования на марше мы не выбирали: идти с пулеметами на плечах приходилось и в гору и с горы, через канавы и по колено в снегу, по лесу и по болоту, по пашне – одним словом – пехота! Были и льготы: вторые номера освобождались от несения нарядов, чем мы очень дорожили. К гарнизонным нарядам это положение не относилось.

Мы понемногу постигали солдатские премудрости, предусмотренные уставом: разобрать и собрать затвор винтовки за 7–9 секунд, а затвор пулемета – за 35 секунд. Стрелять все стали сразу хорошо: до армии оружие не раз бывало в наших руках. Я, к примеру, в школе являлся завсегдаем стрелкового кружка и постоянно пропадал в тире: мы с Ниной входили в состав школьной команды на районных стрелковых соревнованиях. Нина очень

⁸ Щерба Лев Владимирович (1880–1944) – академик, известный языковед, основатель Фонетической лаборатории при Санкт-Петербургском университете.

метко стреляла, а я имел охотничье ружье – тульскую двустволку 16-го калибра, да еще на бездымный порох, что тогда было редкостью, и мне удавалось бить тетеревов в лёт.

Мы спокойно относились к таким неудобствам нашего быта, как отсутствие воды, – пили только в 7.30 утра и в 9.30 вечера; не умывались от бани до бани (дней 20!); в казарме не было света; печь топилась раз в неделю; мы мерзли, так как одеты были по-летнему – без теплого нижнего белья. Но мы были молодыми, а наши запросы – более чем скромными. Кроме того, мы являлись солдатами первого в мире социалистического государства, у которого еще многого не хватало, и это государство стремились уничтожить хищные акулы империализма, а потому главное – метко стрелять, а умываться можно и снегом!

Большинство из нас во время призыва получило назначение в стрелковые полковые школы, но опоздали: набор был закончен в сентябре-октябре. К тому же стало известно, что школы комплектовались в основном из тех, кто имел за плечами неполное среднее образование, а десятиклассники оттуда бегут: их не устраивает пониженный уровень подготовки. Многие еще в декабре ушли на ускоренные курсы младших лейтенантов. Среди них Сергей Виноградов и Токмачев – оба стройные, складные, будто военная служба была их предназначением, ушли и другие. Кое-кто подался в военные училища, и я не придумал ничего лучшего, как послать заявление о приеме в Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского. Ответ из училища пришел в Чернигов незамедлительно: «Набор закончен. Обратитесь по команде в следующем году». Стало ясно, что, пока служу в пехоте, не представляю интереса для Военно-морского флота. Надо было думать об этом раньше, а то пожелал Сингапур посмотреть и в Сиднее побывать...

5

Насколько мы были информированы о международном положении и о ситуации в стране?

В письме от 12 декабря – на второй день службы в полку! – я Нине сообщил: «Наш карантин будет очень недолгим ввиду международной обстановки (Румыния). После двух месяцев подготовки мы будем отправлены... на румынскую границу». Дело в том, что тяготы финской войны себя еще не проявили, и командование южных военных округов надеялось на скорую победу там, на севере, а потому решило готовить нас не на финскую войну, а на запланированное свыше освобождение Бессарабии.

Как тут не вспомнить упомянутую ранее книгу В. Суворова «Ледокол», в которой обстоятельно излагаются планы командования Красной армии, а точнее – Политбюро, предполагавшие не только возвращение Бессарабии, а главным образом захват нефтяных промыслов в Плоешти, что снабжали нефтью германскую военную машину.

Что же это за планы, если их раскрывают молодым солдатам, только что одевшим гимнастерки? Справедливости ради следует заметить, что слово «Плоешти» никем не произносилось. Узнав о готовящемся ударе по Румынии, мы были готовы к тому, чтобы после Бессарабии идти дальше, а до каких пор – нам все равно: куда прикажут. Почему так? А потому, что фашизм еще со времени боев в Испании так всем осточертел, что мы, не начавшие толком служить, рвались в бой против Германии.

И еще из письма Нине от 16 декабря: «Вечером было общее собрание трех батальонов – есть кое-что новое в сообщении комиссара – писать не буду...» Все же «конспирацию» приходилось соблюдать. Не написал об этом в письме – таки не знаю, что имел в виду комиссар полка, но готовили нас к схватке основательно с первого дня службы, чтобы «мозги не закисали!»

О собраниях говорилось и в письме от 25 декабря: «Сейчас пришел с комсомольского собрания – оно шло больше пяти часов...» Сейчас трудно предположить, о чем можно было

столько времени говорить, если к тому же учесть сказанное мной ранее в письме от 16 декабря: «У нас отменили все комсомольские собрания вплоть до особого распоряжения, вставать на учет не надо, и личные дела оставить у себя – выводы из этого можешь сделать сама...»

Как видно, решения менялись непрерывно из-за обстановки на севере, осложнявшейся с каждым днем. И еще о «конспирации». В письме от 22 декабря нашли свое место следующие перлы: «Я очень и очень рад, что Юрка так дружит с Тасей Игнатьевой (речь идет о наш их одноклассниках. – Д. Л), только Юрку надо держать в ежовых рукавицах образца 1938 года или в рукавицах „Берия" образца 1939 года...» Когда после войны, возвратившись домой, увидел у Нины эти ужасные строчки, давно позабытые, нам обоим стало и смешно, и страшно задним числом: как смог такое написать? По-видимому, спасло то, что в Чернигове я никогда не отправлял письма через штаб полка, а лазал через забор и опускал в городской почтовый ящик, висевший на вокзале, – так они быстрее доходили до Ленинграда. Добавить тут нечего, но Берия меня прозевал...

Занятия в полку шли своим чередом, а я между делом укреплял здоровье: утром, после обязательной зарядки, всегда обтирался до пояса снегом в любой мороз, а на марше с охотой ел чистый снег вместо воды, когда хотелось пить. Увы, все это скоро мне пригодится.

В середине декабря приняли военную присягу, а 24 декабря полк участвовал в выборах в Верховный Совет СССР, причем мое участие являлось незаконным, как и служба в армии весь этот месяц, поскольку мне еще не исполнилось заветных 18 лет!

Все же в интересное время мы жили тогда: фамилия кандидата в депутаты никого из нас не интересовала, и мы всецело доверялись тем структурам, которые его выдвигали. <... > Конечно, мы тогда не задумывались о том, что депутаты – каждый в отдельности и все вместе – были ничего не значащими в политике фигурами: за них все решала партия, а они своим существованием помогали делать вид, что в стране есть выборная советская власть, которая якобы и решает важнейшие вопросы. Мы не скоро это поймем, и то не все, и не в одночасье.

И вот отголоски отнюдь не победоносной финской войны докатились и до Чернигова. Из письма Нине от 23 декабря: «Сегодня мы прощались со своими командирами (9/10 всего среднего и младшего комсостава нашего полка отправили в полном боевом снаряжении и в касках). А днем прострелил себе ногу один старший лейтенант – как тебе это нравится?

Я зря это пишу, ты не разглашай...»

Были случаи и малодушия: каждый человек – это отдельный мир. Я ничего не пишу о наших командирах: мы их не запомнили из-за того, что те часто сменяли друг друга. Полк запасный, поэтому личный состав менялся непрерывно. Часть наших ленинградских, с кем вместе приехали, уже отправили на Западную Украину, другую часть – в Золотоношу.

Отчетливо помню, как в первые дни пребывания в Чернигове едва не поддались гадкому чувству, что вот нами, студентами, командуют люди с трехклассным образованием. Слава богу, хватило ума понять нелепость этого: не вина младших командиров, а их беда, что не смогли учиться. Нельзя забывать и о том, что лишь в середине 30-х годов в стране ликвидировали неграмотность, и только в 1930 году, когда я пошел в школу, ввели всеобщее обязательное начальное образование. А нам повезло: мы жили в большом городе в семьях со средним достатком и могли учиться, не думая о хлебе насущном.

Чем же тут гордиться? Мы считали себя сознательными комсомольцами и сделали для себя единственно правильный вывод: «Мы, солдаты с десятью классами, и они, наши командиры стремя классами, пришли в армию для того, чтобы сделать ее сильной и боеспособной, то есть мы пришли делать одно общее дело, необходимое для страны. Так в чем же тогда вопрос?» И мы раз и навсегда установили с нашими командирами теплые, товарищеские отношения, и больше никогда не «возникали».

Что мы знали о финской войне? Сперва – ничего, а вскоре...

К концу декабря стало известно от поступающих с фронта раненых, что наше командование не оценило противника, которого шапками не закидать; забыло о том, что в летнем обмундировании воевать зимой в Финляндии нельзя; понадеялось на то, что финские рабочие и крестьяне не захотят защищать свое буржуазное правительство и только мечтают с января 1918-года о том, чтобы мы помогли установить у них советскую власть.

На примере Финляндии проявила себя непреложная истина: любому народу – малому или большому – дорога свобода, и никаких «освободителей» он не потерпит. Вспомним: после того, как независимые Эстония, Латвия и Литва под давлением Москвы осенью 1939 года подписали «Пакты о взаимопомощи» с СССР⁹, туда немедленно были введены советские войска для защиты этих государств от фашистской агрессии. Но агрессия на тот момент была надуманной, просто эти государства входили в сферу интересов Сталина по известному договору с Гитлером от 23 августа 1939 года.

Когда наступил черед Финляндии подтвердить свою «лояльность» по отношению к СССР аналогичным образом и полюбовно «отдаться» восточному соседу, она наотрез отказалась. Переговоры в октябре-ноябре 1939 года закончились ничем, что привело к расторжению «Договора о ненападении» 1932 года со стороны СССР. Используя опыт немцев при вторжении в Польшу 1 сентября 1939 года, наши не хуже их спровоцировали пограничный конфликт: финны «посмели» обстрелять великую державу!¹⁰ Так 30 ноября началась эта не очень популярная в истории война, принесшая нам огромные людские потери и материальные затраты, большое количество пленных и моральный урон: «чем советская агрессия лучше германской?»

Все оказалось ошибочным и абсурдным. Финские солдаты проявляли незаурядное мужество, защищая свой дом и свою землю. Только через многие годы мы узнаем правду о том, как поднялся простой народ Финляндии на священную для него войну; как, забросив домашние дела, женщины-труженицы своими руками и безвозмездным трудом помогали экипировать солдат всем необходимым – от теплых носков до меховых варежек; как шли добровольцами на фронт студенты, школьники и медсестры; как бывший российский генерал Маннергейм сумел талантливо организовать оборону рубежей Финляндии...¹¹

Из Швеции шли в Финляндию эшелоны с добровольцами из многих европейских стран, чтобы сражаться на стороне финского народа против Красной армии. Совсем недавно такие же эшелоны с добровольцами шли в республиканскую Испанию на борьбу с фашизмом. Англия и Франция, проявляя нервозность, уже сколачивали экспедиционный корпус для отправки в Финляндию вместо того, чтобы воевать с Германией, которой они недавно объявили войну.

Советское командование понимало, что кончать войну следует как можно быстрее. В первые недели боев сказались неудовлетворительное оснащение наших войск, плохая подготовка наступления в укрепленной полосе, недостаток техники и многое другое. В результате наступление захлебнулось, потери оказались неожиданно велики, а три стрелковые дивизии попали в окружение и были полностью разгромлены финнами. Мне довелось видеть фотографии того, что осталось от этих дивизий: исковерканные орудия, разбитые автомашины и повозки, а вокруг – множество замерзших трупов красноармейцев. Командиров дивизий

⁹ 28 сентября – с Эстонией, 5 октября – с Латвией и 10 октября – с Литвой.

¹⁰ Имеется в виду «инцидент» (артиллерийский обстрел советских войск) у дер. Майнила.

¹¹ Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) – барон, финский государственный и военный деятель, маршал (1933). В декабре 1918 – июле 1919 регент Финляндии, с 1939 – главнокомандующий финской армией, председатель Совета государственной обороны (с 1931). Руководил действиями финской армии во время советско-финляндской войны 1939–1940, а также в 1941–1944 в качестве союзника фашистской Германии. В сентябре 1944 был вынужден заключить с СССР мирное соглашение на условиях советского правительства. В 1944–1946 – президент Финляндии.

незамедлительно расстреляли, руководство приняло меры: заменили командование фронтом, прибыли свежие части, но на этот раз в валенках и полушубках; поступила техника, особенно много – артиллерии; произведены перегруппировка войск и тщательная подготовка к новым наступательным боям, что и не замедлило сказаться. Но не все можно было исправить: эта война обошлась советской стороне в 130 000 убитых¹², а финны потеряли 25 000 человек.

Моя тетушка, Анна Ивановна, о которой упоминалось выше и которая прошла финскую кампанию от первого до последнего дня, с болью вспоминала «огрехи» кампании: как в первые дни войны голова колонны стрелковой дивизии, растянувшейся на несколько километров по лесным дорогам, неожиданно упиралась в собственный аррьергард; как не давали покоя «кукушки» – снайперы, засевшие в ветвях деревьев, – выбивавшие в первую очередь командный состав; как велик был процент обмороженных бойцов и командиров, которых Анна Ивановна, будучи врачом медсанбата, едва успевала отправлять в тыловые лазареты. Не раз были случаи ошибочной бомбежки краснозвездными самолетами расположенных в лесах своих же частей. Сказывалась плохая лыжная подготовка и неумение вести рукопашный бой. Недочетов – не перечислить.

По моему мнению, кое-что финская война дала, но слишком дорогой ценой: граница от Ленинграда была отодвинута, хотя это должен был предусмотреть Ленин в процессе дарения Финляндии независимости в декабре 1918 года; Генштабу долго придется устранять изъяны в боевой подготовке войск, в их снаряжении и технической оснащенности; проявился недостаточный профессионализм командных кадров, выдвинутых в короткий срок на высокие должности взамен старых, более опытных, которые были репрессированы в 1937–1938 годах и в большинстве уничтожены; после финской войны многих уцелевших командиров станут понемногу выпускать из лагерей. В это число попадут и такие известные впоследствии боевые генералы, как Рокоссовский, Лукин и другие.

В истории финской войны есть еще одна любопытная деталь.

Речь идет об одном стихотворном опусе, слова которого были записаны в виде песни на граммофонную пластинку в Ленинграде за несколько месяцев до войны. Песня предназначалась для финского народа, чтобы убедить его в том, что советские войска пойдут не завоевывать, а освободить Финляндию.

Почетный и срочный заказ на такую песню получили поэт Анатолий Френкель и композиторы – братья Дмитрий и Даниил Покрасс, которые в свое время прославились такими полубившимися песнями, как «Марш Буденного», «Если завтра война», «Три танкиста» и другими. Творческая бригада с заданием партии справилась. Песня называлась «Принимай нас, Суоми-красавица», отдавала дешевкой и не украшала Политуправление РККА.

В словах песни проступал и неприкрытый издевательский тон. Вот эта невостребованная песня:

Сосняком по околкам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер.

Ломят танки широкие просеки,
Самолеты жужжат в облаках.

¹² Потери РККА за 105 дней составили 333 084 чел., в том числе убито или умерло – 65 384, пропало без вести (из них 14 043 предположительно погибли, а остальные – взяты в плен). См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование/Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М, 2001. С. 195.

Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.

Мы привыкли брататься с победами,
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвездную славу свою.

Много лжи в эти годы наворачено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывайте ж теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!

Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину,
Мы приходим ее возвратить.

Мы приходим помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер.

Песня не помогла: финский народ ответил огнем на поражение, не убоявшись самолетов, танков и штыков, которыми мы надеялись его запугать. Но все это и составляет часть нашей истории, которую мы продолжаем познавать...

6

Но тогда мы ничего этого не знали, да и знать не желали. Наш девиз был однозначен: «Бей врага!»

В конце декабря многое изменилось: официально объявили, что полк начинают в темпе готовить к отправке на фронт. Комсостав, призванный из запаса, уже был отправлен 23 декабря.

Стрелковым ротам дали месяц на подготовку, и они должны были покинуть полк в конце января. Пулеметчикам, минометчикам и артиллеристам дали по два месяца, и в конце февраля наступал наш срок отправки на север. Таким образом, Румыния пока отодвигалась на задний план.

Весь январь прошел в интенсивной солдатской учебе, мы много стреляли – огневой подготовке уделялось особое внимание. Питание стало беднее, в магазинах Чернигова исчезли продукты, в город продолжали прибывать раненые с фронта.

В январе я решил не писать Нине: у нее зачетная сессия, а я и так скоро попаду на север! Мы, ленинградцы, только и ждали отправки на фронт и стремились ускорить это событие высокими показателями стрельбы. Мы питались слабой надеждой заскочить на пару минут домой во время следования эшелона через Ленинград: это высвечивалось пределом мечтаний, а что ожидало нас за этим – никто и не задумывался.

Неожиданно стало известно, что весь состав полка передается другой, но уже регулярной части, а на наше место придут новенькие.

Утром 30 января 1940 года мы выехали двумя эшелонами к новому месту службы.

Ромны

1

С карантином было покончено. Теперь мы не запасный полк, мы – настоящие солдаты и тем неумолимо горды! Проехали Нежин и Бахмач. Позади 210 километров. Пункт назначения – город Ромны Сумской области. Новая часть – 147-я стрелковая дивизия, 640-й стрелковый полк, 1-я пулеметная рота. Новая дивизия дислоцировалась в Харьковском военном округе.

В городе Ромны жителей немного – всего 15 000 человек (а в Чернигове было 67 000). В недалеком прошлом город славился как курорт: живописные окрестности; улицы широкие, обсаженные тополями; склоны высокой горы, на которой расположился город, летом утопают в зелени фруктовых садов. Город чистый, публика хорошо одевается. На улицах много народа. Дома невысокие – в один и в два этажа; есть шесть школ-десятилеток, а на окраине города – табачная и кирпичная фабрики. Транспорт гужевой; ходит автобус, а машины исключительно военные, но и их немного. Воздух чист и прозрачен.

Большая казарма, а точнее – здание, приспособленное под казарму, была в центре города. Быт тот же, что и в Чернигове: без воды (от бани до бани), без радио, без столовой. Последняя находилась в 500 метрах от казармы прямо на городской улице и под открытым небом. Столовая – это ряды длинных дощатых столов без сопутствующих скамеек, чтобы едоки не задерживались, но под легкими тентами от дождя и снега.

На все, начиная с хлеба, был установлен жесткий лимит. Рацион питания резко ухудшился: обеденный суп – одна вода с блестками жира, заправленная томатом, в которой плавало несметное количество крупно порезанных долек соленых огурцов. Они всегда оставались горками на столах, иногда ими швырялись. Мясо, жиры и сахар стали редкостью: война давала себя знать. Своим родителям я написал, чтобы не присылали продуктовых посылок: кушать масло и колбасу без хлеба не хотелось, хлеба же катастрофически не хватало, только-только на обед.

В военном городке – красноармейский ларек. В нем, кроме махорки и туалетных принадлежностей, ничего не было. Иногда привозили ситро, но его не купить, так как к ларьку не пробиться: плотные ряды атакующих едва не валили его наземь.

В магазин комсостава нас не пускали: мы его содержимое вмиг расхватаем, но и там ассортимент был беден.

В Чернигове в магазинах лежали булочки, баранки, конфеты, сахар – все, кроме ржаного хлеба. В Ромнах – шаром покати! В городе 5–6 продуктовых магазинов с пустыми прилавками: жителей отоваривали непосредственно на предприятиях.

У нас зачастую бывал такой покупательский азарт, что готовы скупить все: кусок хлеба, хвост селедки, булку – но ничего этого не было. Мы не голодали, но питались однообразно и не калорийно: всегда хотелось чего-то еще, например, сладкого, особенно когда не дотерпеть до обеда или ужина. Но это в дни и часы, которые мы проводили в военном городке. В поле же было не до еды.

В Ромнах у нас был такой распорядок дня, что Чернигов с карантином в запасном полку показался раем. Здесь нас принялись ускоренным темпом готовить к отправке на фронт. На занятия в поле отводилось 12 часов в день. В основном это были тактические занятия: пулеметная рота «в наступлении» и очень редко – «в обороне». «Оборона» считалась отдыхом.

Подъем в семь утра, отбой в час ночи. Ежедневно выходили на дальнее стрельбище, занимались инженерной подготовкой – рытьем окопов, траншей и блиндажей. До места заня-

тий еще надо дойти с пулеметами на плечах: 10 километров туда и 10 обратно, подняться на гору в город, спуститься с обледеневшей горы. Нередко – по нескольку раз в день.

Нам объявили, что полк считается на военном положении, увольнительные отменяются, а все личные вещи (письма, тетради, писчую бумагу, карандаши и другие мелочи) держать только в ранце, ибо в любой день можем не вернуться в казарму.

Строевых занятий было мало – только тактика и стрельба.

Из письма Нине от 11 февраля: «Я вспоминаю, как жаловался Юрка (наш одноклассник. – Д.Л.) на усталость от нескольких часов строевых занятий в день. Мы их считаем отдыхом...» Строевые занятия, как правило, проводились в перерывы, но и те были редкими и короткими.

Целый день в чистом поле по колено в снегу, на ветру и морозе пробыть не просто, но от нас требовалось не пробыть, а выполнить всю программу занятий: лежать за пулеметом, вести огонь и поражать цель, устранять перекосы ленты, бежать с пулеметом «в наступление», рыть окопы и траншеи, вести штыковой бой и тому подобное. Еще нововведение: обязательное ежедневное ползание по-пластунски на 500 метров, не вставая. Одолели и это, соблюдая железное правило – если приподнимется от земли зад, то считай, что в бою получил в него пулю, а сейчас – штрафное очко: либо повторить упражнение заново, либо скоблить после отбоя полы и туалет.

Ежедневные занятия в поле стоили немалых физических усилий. Первое время мы здорово уставали, но потом втянулись. Из письма от 18 февраля: «Мы теперь стали людьми, незнающими усталости – кажется, что на ногах можем быть сколько угодно. Но зато и спать можем в любое время и сколько угодно...»

К ночи мы возвращались в казарму с полевых тактических занятий или со стрельбища всегда насквозь мокрыми от талой воды, снега, пота – в зависимости от погоды, но сухими – никогда. Спали без одеял, укрываясь мокрыми шинелями. Всю мокрую верхнюю одежду, в том числе портянки, брюки, рукавицы, подшлемники, на ночь раскладывали на матрасе в надежде высушить до утра теплом собственного тела. И так – каждую ночь. В казарме была круглая металлическая печь, но на ней хватало места развесить одежду лишь 5–6 человек. Все чаще приходилось спать до утра в противогазах. Привыкли и к этому.

Мы прекрасно понимали, что это все «цветочки», а «ягодки» ждут нас на Карельском перешейке. Это заставляло весьма добросовестно, скрупулезно, по многу раз отрабатывать каждый прием, доводя его до совершенства, не жалея сил и выкладываясь до предела. Все рвались на север и на быт не обращали внимания. Командиры только качали головами: «Если бы все так служили!» Мы же, ленинградцы, постигали солдатскую науку намного быстрее, чем это предусматривалось нормативами и уставами. Науку – убивать!

Как ни странно, у нас не было лыжной подготовки, и мы за зимний период 1939/40 года лыж в глаза не видели. Толи весь их запас находился на фронте и пропал там безвозвратно, то ли командование планировало использовать нас в боях весеннего периода...

Буденновский шлем был заменен на стальную каску с серым, вязаным, довольно плотным, с вырезом для глаз и рта подшлемником, который согревал на морозе голову под каской и заправлялся под шинель, заменяя ворот свитера или кашне в домашних условиях. У подшлемника был один недостаток: от учащенного солдатского дыхания (на горбу 32 килограмма металла!) он мигом обрастали ледяной коркой, которую непрерывно приходилось скалывать всеми доступными способами.

Нам выдали кирзовые сапоги взамен ботинок и краг, но у меня размер обуви 43,5, и я, не сумев подобрать сапоги, остался в крагах.

В короткие перекуры грелись махоркой, приплясыванием, шуточной борьбой. При этом я отрабатывал на ребятах приемы борьбы вольного стиля, вызывая их «телячий восторг» и неподдельное восхищение. Эти приемы я сам постиг только недавно в Ленинграде, о

«каратэ» и «джиу-джитсу» мы тогда не знали. А греться было необходимо. Местные старожилы говаривали, что такой суровой зимы на Украине давно не было, в Одессе даже лиманы замерзли. Очень стыли ноги в ботинках, которые «по уши» забивались снегом и льдом. Но мы больше переживали за тех из нас, кто уже уехал на север, отчетливо сознавая, каково в такой мороз на фронте.

Часто можно было слышать:

– Хотя бы насморк схватить, да пару дней на кухне отогреться... – Но ни одна хвороба к нам не приставала.

Когда в поле приходили полевые кухни – был праздник на час. Пока мы разделялись с первым блюдом, второе – пшенная каша в крышке котелка – превращалась в лед. Съесть кашу уже было невозможно. Мы в ранце приносили ее в казарму и перед отбоем расправлялись с ней.

У нас были обычные плоские котелки тех лет с крышками. В один котелок мы получали суп на двоих, во второй – чай на двоих, а в каждую из двух крышек – по порции второго. Так мы с Геней Травниковым весь 1940 год и хлебали суп из одного котелка. Мыть котелки было нечем, обтирали их снегом, а мороз уничтожал микробов.

Стрелять приходилось много, особенно нам с Геннадием, поскольку нашим оружием был «Максим». В те дни командование патронов не жалело. Нормативы, например, такие: уничтожить двумя очередями за одну ми нуту батальонную пушку, находящуюся на расстоянии 900 метров. Макет пушки поднимали из окопа на короткое время, за которое следовало: обнаружить, когда цель появится в твоём секторе стрельбы, зарядить, установить прицел, навести, закрепить, поразить цель.

Подготовка первого и второго номеров пулеметного расчета предусматривала полную взаимозаменяемость. С нормативами мы с Геней справлялись, но у меня больше оценки «хорошо» не было: трудно бить на расстояние 900 метров – сказывался недостаток зрения, который я тщательно скрывал, желая стать полноценным солдатом. Строго говоря, если бы мы с Геннадием не выполняли нормативы стрельбы, то мигом подлежали «разжалованию»: станковый пулемет – не игрушка, а в те годы – главное оружие батальона и вся надежда стрелковых подразделений в бою, для огневой поддержки которых мы и предназначались.

Бывали и забавные моменты, когда я просил ребят:

– Свистните, когда цель появится!

А они надрываются от смеха:

– Давно стоит, сейчас уберут! – Так я успевал всадить в цель две полагающиеся очереди.

Ходили слухи, будто вышел приказ НКО брать в армию всех, у кого с очками зрение становилось нормальным. Не ведаю, может оно и так, но у меня была близорукость (0,1–0,3 диоптрий с минусом), и я служил без очков.

Наконец в казарме появилось радио, но слушать было некогда. Вторично пришлось принимать военную присягу: все документы остались в Чернигове.

Выходных дней у нас не было, но в субботу – тогда в стране были шестидневки – занятия проводились только до обеда.

Ежедневно с двенадцати до часу ночи – чистка оружия, при этом глаза от усталости слипались. Независимо оттого, проходили в этот день стрельбы или нет, оружие было на морозе более 12-ти часов. В такие минуты мы с Травниковым завидовали тем, кому было только винтовку почистить, а нам – целый пулемет. За ним мы тщательно следили, зная, что с ним придется завтра идти в бой. Пулемет не имел права подвести ни нас с Травниковым, ни нашу пулеметную роту, ни батальон...

В праздничный день, 23 февраля, вместо обычного черного хлеба получили на завтрак белый хлеб, чем остались весьма довольны.

До обеда на вещевом складе упаковывали и обшивали для отправки домой свою гражданскую одежду. После обеда состоялся митинг с последующим торжественным маршем по городу с духовым оркестром.

О моих планах на будущее можно узнать из письма Ниночке от 26 февраля: «Мои планы: через два года быть дома, если не "увлекусь" службой, во-первых, и если не угробят – во-вторых...»

Так грубо успокаивал я свою любимую подругу. А дело было в том, что тогда существовала должность замполитрука роты. Знаки различия – четыре треугольничка в петлице и красная звездочка на рукаве гимнастерки. У нас его звали Васей (фамилию забыл). Он часто отсутствовал в роте, и как-то в течение месяца мне пришлось его замещать по просьбе политрука роты. Халтурить я не умел, а потому, когда Вася вернулся в роту, политрук, довольный моим усердием, пообещал направить меня в соответствующее военное училище, хотя согласия я пока не давал. Я знал, что Нина, выросшая в семье военного на артиллерийских полигонах, могла только приветствовать мое решение поступить в любое военное училище.

Из наш их командиров хорошо запомнились только двое, наверное, потому, что у них был и похожие по звучанию фамилии: Косенко и Власенко. Оба – помкомвзводы в возрасте сорока лет, мобилизованные, оторванные от семей, и мы по-человечески сочувствовали им, особенно когда сердечно провожали их в феврале на финский фронт: они могли не вернуться оттуда на «свою мать – ридну Украину».

Командиром роты был старший лейтенант Мищенко, воображавший себя Чапаевым. Он любил повторять: «Мои пулеметчики...» Он также был немолодым человеком небольшого роста, с усиками, ничем не отличался от других командиров рот, и видели мы его редко...

Конец февраля внес изменения в нашу устоявшуюся было жизнь. Поступил приказ готовиться к отправке на фронт. Все занятия разом закончились, началась суета: кто торопился отправить домой последнее письмо, кто – забрать из ателье готовые фотографии, кто – часы из ремонта... Нам сразу выдали теплое нижнее белье. До фронта надевать его не разрешалось. Выдали и неприкосновенный запас продуктов: сухари, воблу, консервы, сахар, махорку. Это было необдуманным решением. Поскольку мы считали себя вполне заправскими солдатами, то трезво оценили ситуацию и, не задумываясь, в течение двух дней уничтожили дарственный «НЗ», сообразуясь с железной логикой бойца: «Голодными в бой не пошлют, что-нибудь дадут!»

С 1 марта полк приступил к новому ежедневному виду тренажа – учебной погрузке в эшелоны. Мы помногу раз заводили в вагоны и на платформы повозки с лошадьми, пулеметные тачанки, орудия, станковые пулеметы, минометы, размещались повзводно и поротно сами, а потом снова разгружались.

Полку предстояло грузиться по боевой тревоге, которую ожидали каждую ночь. Все погрузочные операции отработывались до автоматизма. Ежедневно стали уходить на фронт эшелоны 147-й стрелковой дивизии. Наш эшелон был одним из последних. Он стоял на запасных путях, поджидая нас. Уже уехали многие из тех, с кем мы прибыли в Чернигов из Ленинграда. Мы на ходу прощались с ними.

Однажды, после учебной погрузки в эшелон, команды на выгрузку не последовало. Это могло означать только одно: сегодня в ночь отправляемся.

Шли первые дни марта 1940 года, война подходила к концу, и внезапно последовала команда: «Разгрузить эшелон!» Отправка приостанавливалась: мы фронту уже были не нужны.

Все приуныли. Теплое белье пришлось сдать на склад, за съеденный «НЗ» никому не попало: весь полк с аппетитом отвел душу.

Мы остались в Ромнах, хотя давно видели себя на севере.

2

Снова началась учеба: побаловались и хватит! Мечтали о 8-часовом рабочем дне, но командир роты объявил, что пока в армии остается по-прежнему 12-часовой рабочий день.

На ротном собрании узнали, что наша 1-я пулеметная рота с честью выдержала труднейшие условия нынешней зимы: у нас был лишь один случай обморожения, а в других ротах около половины бойцов было госпитализировано. Из батальона почти 150 человек находились в госпитале длительный период обморожением конечностей в результате 12-14-часового ползания по снегу.

Маршала Ворошилова на посту наркома обороны сменил маршал Тимошенко¹³. Теперь у нас новое правило: чем крепче мороз, тем дольше в поле!

В казармах появилась вода. Умываться теперь могли ежедневно, но одеял по-прежнему не давали: они все в госпиталях.

В окрестностях города все растаяло и поплыло: приближалась весна. Тактические занятия временно прекратились из-за непролазной грязи. Мы понимали, что жалеют не нас, а оружие – и это правильно. Вместо тактики – стрельба в тире, гранатометание, штыковой бой, химподготовка, инженерное дело, стрелковый тренаж, изучение уставов.

А раненые с севера продолжали поступать. Пришел очередной эшелон, и прямо на станции произошел прискорбный случай: к одному лейтенанту из города приехала жена, вся накрашенная, модная, увидела, что он лежит без ног, и отказалась от него: «Ты мне такой не нужен!» Лейтенант схватился за пистолет, а его нет – еле удержали.

По радио передали, как тепло и радостно встречает Ленинград возвращающихся с фронта бойцов. У нас щемит сердце, что настам нет. Получили весточку от ребят нашего полка, которые успели выехать с последним эшелоном: они 10 марта прибыли в Ленинград, 12 марта кончилась война, и их оставили служить в Петергофе. Теперь они имели возможность по выходным бывать дома.

А в полку опять неладно. Из письма Нине от 6–9 апреля: «Есть и еще чем похвастать можем: полк завшивел, не успев побывать в окопах, не поголовно, это ясно. И кроме того – массовое заболевание паратифом (в нашей роте нет). Дождалось командование, так ему и надо!» После этого начались поголовная дезинфекция, санобработка, переезд в другие помещения и прочее...

По окончании финской войны полк стали чаще привлекать к несению караульной службы, что ранее – в период интенсивной подготовки к фронту – носило эпизодический характер.

В карауле нам довелось познать лиха: стояли по четыре часа, так как больше было не выдержать из-за мороза. Потом это время даже сократили до двух часов, выдали шубы и полушубки, а также разрешили выстрелом в воздух вызывать разводящего и просить смену, когда не совладать с холодом.

Травников обычно стоял в черте города на охране вещевых складов. Здесь не было ураганного ветра, было теплее и спокойнее.

Я, как правило, стоял на охране пороховых складов в поле, далеко за городом, где всегда метель, ухудшавшая видимость донельзя, и готовый тебя унести ветер.

¹³ 7 мая 1940 года.

Как-то лейтенант, старший по караулу, признался мне, что хотел ночью подползти к посту с целью проверки моей бдительности, но побоялся. Недавно стало известно, что в Чернигове начальник караула – тоже лейтенант – за подобную шутку поплатился головой: часовой всадил в него пулю, и часовому ничего за это не было. Как видно, наш лейтенант по молодости немногим отличался от нас.

Были и другие случаи. Из того же письма Ниночке от 6–9 апреля: «Опять в карауле. Опять – пороховые склады. На этот раз стоять веселее, так как недавно было нападение на один из постов, и теперь усилили караулы, наладили сигнализацию вплоть до телефонной связи с гарнизоном и даже придали караулу ручной пулемет. А ураган свистит!»

Иногда думается: все бы были такими солдатами, как Травников, – ну до чего покладистый человек! В письме Нине от 22 февраля я писал: «...У меня есть друг – Травников, студент ЛИИЖТа. Он ко всем требованиям относится очень просто: Проползти 200 метров? Пожалуйста! Проползти 500 метров? Пожалуйста! С 5 утра до 10 вечера в любой мороз быть на стрельбище? Пожалуйста!» Только восхищаться можно таким человеком. Он был высокий, худой, сутулился при ходьбе; чрезвычайно интеллигентный, если в то время и в тех условиях приемлемо так говорить о нас; сердечный, добрый, приветливый человек, верный товарищ. Наши дороги разошлись в августе 1940 года, и его судьба мне не известна¹⁴.

Понемногу приучали нас и к походам: сперва к малым, а вскоре и к большим. Из письма Нине от 19 марта: «О походе. 17-го утром полке оркестром и песнями ушел из города. Продвинулись на 20 километров со встречными „боями“. На следующий день вернулись. Рота получила отличную оценку, и сегодня дали выходной, то есть – спать до 6-ти вечера...»

Мы привыкли к армейской службе. Нам казалось, что служим давно, а на самом деле – всего 4 месяца. Дивизию полностью укомплектовали личным составом взамен выбывших на фронт.

Познакомились с новым «Дисциплинарным уставом РККА»¹⁵.

В старом говорилось, что подчиненные должны выполнять любой приказ командира, за исключением явно преступного. Это были отголоски времен Гражданской войны, когда на службу в Красную армию пришли тысячи офицеров старой армии. Командование полностью им никогда не доверяло. Но простите меня за наивность: как может солдат в бою отличить преступный приказ от непроступного? Устав давно устарел, да и командирами теперь были выпускники военных училищ и академий Красной армии, то есть «свои в доску».

В новом уставе было такое нововведение: командир любого ранга для того, чтобы заставить подчиненного повиноваться любому приказу, имеет право и обязан применить все доступные средства вплоть до оружия. При этом ответственности за последствия он не несет. Если же командир в экстремальной ситуации не применит оружие, то сам подлежит привлечению к суду военного трибунала.

А как реагировали на новый устав мы, солдаты-первогодки, которые до того изучали старый устав и знали его «на зубок»? Да никак! Мы были настолько вымуштрованы системой, что о невыполнении приказа не могло быть и речи. Во-первых, командир на то и поставлен, чтобы командовать. Во-вторых, завтра мы сами станем командирами. О чем же тогда речь?

В итоге никто из нас и не удивился такой постановке вопроса в новом «Дисциплинарном уставе РККА» 1940 года.

¹⁴ Знаю, что в конце 1940 года Травников служил в мотомехкорпусе, дислоцировавшемся в городе Котовске Одесской области. Эти некомплектованные техникой корпуса погибли «смертью храбрых» в первые дни войны. Вряд ли мог уцелеть Травников в тех жестоких приграничных боях. После войны я через адресное бюро разыскал его дом на Васильевском острове, где он жил до призыва, но дом оказался деревянным, сгорел в блокаду, а следы его родителей затерялись. В 1995 году в архиве ЛИИЖТа мне подарили его фото 1939 года, которое хочу при случае опубликовать. – *Примеч. автора.*

¹⁵ Введен 1 декабря 1940 года.

Ближе к маю началась усиленная строевая подготовка к военному параду, в котором нам предстояло участвовать впервые, и мы не должны были подкачать.

Строевой подготовкой занимались прямо в центре города неподалеку от казарм, а маршировали взад-вперед через весь город. Оркестр гремел, и бодро шагали наши шеренги, но на первых порах все было не так просто. Острие твоего штыка должно находиться чуть впереди правого глаза идущего перед тобой товарища, и у твоего правого глаза так же колыхнется штык идущего сзади. Если кто из нас зазеваается, штык ударяет по каске идущего впереди и начинается веселый перезвон.

– Отставать! – Обычно кричал на это старший по колонне.

В письме Нине от 12 апреля я писал: «Вчера был смотр строевой подготовки полка к 1-му Мая – как всегда, по городу. Собираются целые толпы вдоль главной улицы и стоят часами. И задумчиво смотрят на проходящие колонны со штыками наперевес. А какая-нибудь старушка еще и прослезится в платочек: „О, господи, какие все молодые...“»

Старушка права: мне, к примеру, было от роду 18 лет и 3 месяца...

Продолжали стрелять. Мои успехи в стрельбе были скромными, но стабильными: из винтовки на 100 метров – только «отлично», а из станкового пулемета на 900 метров – «хорошо».

Подшел май. 1 Мая в Ромнах состоялся общегородской митинг трудящихся города и его гарнизона – воинских частей 147-й стрелковой дивизии. Потом прошел военный парад на центральной площади с последующим торжественным маршем по городу. Вторую половину дня мы вповалку проспали.

2 мая провели на стадионе, где гоняли в футбол. Смотрели новый фильм «Истребители». Картина понравилась, а особенно песня «Любимый город может спать спокойно» в исполнении Марка Бернеса, которая как нельзя лучше отвечала нашему настроению.

Заговорили о выезде в летние лагеря. И вот – выезд состоялся, только не в лагерь, а произошла очередная передислокация дивизии.

10 мая полк уезжал с пассажирской платформы городского вокзала на глазах собравшихся жителей города. До сих пор сохранилась в памяти впечатляющая картина: когда полк грузится в полном боевом снаряжении – есть на что посмотреть! Если садятся в вагоны солдаты «без ничего» – в пилотках, шинелях, с пустыми руками, – никто внимания не обратит, и тем более это не вызовет никаких эмоций. Но когда ни одного бойца толком не разглядеть под кучей амуниции, снаряжения и оружия, это совсем другое. Грузятся армейские повозки, пулеметные тачанки, походные кухни, пушки, минометы; звенит металл; вполголоса раздаются команды, и в этом процессе одновременно участвует несколько тысяч вооруженных людей в касках и с примкнутыми штыками. Такой концентрации различного оружия гражданское население в мирное время в обычных условиях не видит: тут и ручные пулеметы, и станковые, и зенитные установки, и минометы двух калибров, и артиллерийские орудия 45 мм и 76 мм...

Не знаю, чем была вызвана необходимость грузить войска в дневное время на глазах населения, но у наблюдавших за погрузкой возникало много вопросов:

– Что случилось?

– Опять война?

– Куда их отправляют? – Разные чувства возникали у смотрящих: у кого-то погиб на финском фронте сын или муж, у кого-то пропал без вести, а кому-то скоро идти в армию. Многие плакали, настолько тяжелым было происходящее – недаром запомнилось надолго.

Многих из нас тоже одолевали вполне определенные эмоции. Так, нам с Геней вспомнились проникновенные слова Александра Блока:

Петроградское небо мутилось дождем,

На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизнью цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови...¹⁶

Все повторялось. Поэт написал эти строки 1 сентября 1914 года, когда уже шла Первая мировая война. Мы же грузились в Ромнах, а не в Петрограде. Вместо дождя у нас ярко светило солнце. Вторая мировая война началась восемь месяцев назад, а до Великой Отечественной оставалось чуть более года.

В тот день мы простились с Ромнами, а когда загремели колеса, мне невольно вспомнилось: 22 апреля 1915 года в таком же эшелоне, набитом людьми в таких же серых шинелях, уезжал на войну добровольцем двадцатилетний брат отца Борис, который пропал там без вести. Другой брат отца – Евгений – воевал офицером с первого дня германской войны.

Все повторялось...

Кривой Рог

Ехали, как всегда, с песнями. Сидели в открытых дверях теплушек, болтали ногами, предвкушали перемену мест. Мы успели свыкнуться с частыми переездами: нас так и тянуло неизвестно куда.

Наш путь лежал строго на юг. За время следования мне, «штатному» пропагандисту, надлежало проводить политинформации во всех взводах роты, а это четыре вагона, так что ни письмишка с дороги не написал: я по-прежнему исполнял обязанности замполитрука Васи, которого к тому времени командировали на учебу.

Конечно, речь у нас шла и о «странной» войне союзников – Англии и Франции – с фашистской Германией. Их войну иронически называли и «сидячей», и «смешной». Ни один снаряд ни одна бомба пока не упали на германскую территорию. Солдаты томились от безделья.

Начало этой странной войне было положено в сентябре 1939 года, когда Англия и Франция бросили своего союзника – Польшу – на растерзание Гитлеру, что время как решительные действия на западе могли в самом начале коренным образом изменить ход начавшейся мировой войны, но, к сожалению, история не признает сослагательного наклонения. Даже начальник оперативного руководства германского верховного командования Йодль впоследствии признал на Нюрнбергском процессе: «Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23-х германских дивизий, оставались совершенно бездейственными» (Великая Отечественная война Советского Союза. С. 21).

Но к весне 1940 года на западных границах Германии сосредоточились уже не 23, а 115 германских дивизий, и план нападения на Францию был утвержден еще 24 февраля 1940 года.

События на западе назревали: в апреле 1940 года немцы оккупировали Данию и Норвегию, а 10 мая вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург. Стало ясно, что на оче-

¹⁶ Начало стихотворения А. Блока из цикла «Родина».

реди удар по Франции, благо союзники не стремятся к активным действиям. 3 июня немцы возьмут полуразрушенный Дюнкерк, а 14 июня парадным маршем пройдут по Елисейским Полям Парижа. 21 июня Франция будет повержена.

Тревожное состояние от надвигающихся событий передавалось и нам. В полку вновь заговорили о Румынии, имея в виду освобождение Бессарабии и Северной Буковины, отторгнутых королевской Румынией от Советской России в прошлом. Но пока все события происходили далеко от нас...

Мы оставили за собой Ромодан, Кременчуг, Александрию и, проехав около 400 километров, 12 мая 1940 года прибыли к новому месту дислокации дивизии. Это был город Кривой Рог Днепропетровской области, а нашим «хозяином» стал Одесский военный округ, с которым связана вся моя последующая служба.

В Кривом Роге 200 000 жителей, есть электричка, ходит единственный номер трамвая. Как и Ромны, Кривой Рог стоит на горе, но над этим городом днем и ночью простирается облако малинового дыма. Здесь мало зелени, почва каменистая, и в окрестностях города никакие сельскохозяйственные культуры не растут. Под ногами – шпат, слюда, киноварь и другие минералы. Металлургический комбинат наложил отпечаток на всю жизнь города.

Мы расквартировались на территории военного городка в двух километрах к югу от Кривого Рога рядом с железнодорожным полотном.

На этот раз нас разместили в благоустроенных казармах городского типа.

В основном все здания военного городка были четырехэтажными.

Наша рота на третьем этаже, а из окна – куда ни глянь – море огней Кривого Рога. С новосельем освоились быстро: нам не привыкать!

В выходной день с Геннадием с упоением походили по... городскому асфальту. В Ромнах мы, городские жители, такого удовольствия не имели, успев напрочь забыть о существовании твердого покрытия, будто всю жизнь провели в сельской местности.

Часто развлекались на стадионе. Служба вновь пошла своим чередом, в том числе и караульная: охраняли артиллерийский парк соседней воинской части. Поговаривали, что нас, станковых пулеметчиков, ожидает месячный лагерный сбор в двенадцати километрах от города, а стрелковые роты останутся в городских казармах.

23 мая действительно перебрались в лагерь. Теперь нас окружал чудесный, сказочный сад. Из города киновари, песчанников и железняков попали в парк, такой же молодой, как и сами. Все аллеи были обсажены красивейшими цветами, каких мы никогда и не видывали. Перед отбоем мы с Геннадием обычно гуляли, а наши сердца учащенно бились и жаждали, как в песне, «любить и жить».

В письме Нине от 25 мая я не удержался и видоизменил две строчки стихотворения Радуле Стиенского «Сады Черногории»¹⁷. У него было так:

Все есть в Черногории милой —
Коммуны одной не хватает!

Меня больше устраивали иные слова, о чем я не замедлил сообщить своей подруге:

¹⁷ Стиенский (Стиенский) Радуле, он же Петров-Стиенский Стефан Иванович, он же Маркович Радуле (1903–1966) – югославский коммунист и черногорский поэт, участник черногорского восстания 1921 года, автор сборника «Очаг свободы» и др. Стиенский (от горного селения Стиена Пиперская) – его псевдоним. С 1927 года, после побега из подгорицкой тюрьмы проживал в СССР, где вступил в ВКП(б). Во время войны работал во Всеславянском комитете, занимался радиовещанием на сербско-хорватском языке. Среди переводчиков Р. Стиенского на русский язык – В. Луговской, А. Тарковский и, в особенности, А. А. Штейнберг, в чьем переводе и дается цитата. См.: *Нерлер П.* Следственное дело № 4788 (1937–1939)//Штейнберг А. К верховьям. М., 1997. С.326–349.

Все есть в Кривом Роге – милой,
Тебя одной не хватает!

Молодость брала свое. В письме было и другое: «Но и здесь начались свои прелести: "1-я пульрота! Приготовиться к наступлению на... километров!" – а солнце стоит в зените, и ни глотка воды. Стоит жара, что же будет в середине лета?» Стояла небывалая для нас – северян – жара. В своих письмах в Ленинград я отмечал, что «из меня после армии будет хорошее выючное животное»: с родным пулеметом мы по-прежнему не расставались.

Один из выходных дней мы с Травниковым провели на славу!

С утра политрук роты пригласил нас обоих пойти с ним в военный городок на совещание, которое проводил политотдел дивизии, а потом с двенадцати часов дня отпустил нас, чем мы и воспользовались до вечера, как вырвавшиеся на свободу мальчишки. Собственно, пока мы ими и оставались. Мы с наслаждением лакомились мороженым, пили ситро, несколько рейсов прокатились на трамвае, не выходя из него на конечных станциях, чему молодая кондукторша и не думала удивляться:

– Вы не первые, – смеялась она. – Таких любителей покататься у меня за день много бывает...

Заодно решили сфотографироваться: Травников сидит на табурете, а я стою рядом и держу руку у него на плече; оба с кобурами от пистолетов ТТ; виду нас вполне воинственный. К этому времени мы были одеты прилично и могли без стыда спокойно гулять днем по городу – совсем не то, что в первые дни в Чернигове.

Главным из запомнившихся событий того дня было то, что вечером мы возвращались из города в лагерь впервые «вольно», без строя и снаряжения, налегке, то есть так, как за полгода службы вообще ходить не приходилось.

Упиваясь дарованной на день свободой, мы шли легко, а из головы у меня не выходили слова Анны Ахматовой:

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей:
Где она, где свет веселый
Серых звезд – ее очей?¹⁸

А голос за кадром уже ядовито шипел: «Не торопись, не каркай – скоро пойдешь!»

Так оно и случилось. Всего месяц пробыли мы в Кривом Роге.

10 июня по боевой тревоге пулеметные роты полка стремительным броском вернулись в военный городок, а дивизия уже грузилась в эшелоны.

«Странная» война на западе начинала приобретать вполне определенные зловещие очертания. В эти дни немцы форсировали линию Мажино.

Мы спешно оставили Кривой Рог, не успев получить фотоснимки.

Ташлык

1

На этот раз эшелон спешил на запад. Все понимали, что не сегодня-завтра нас ожидает «работа» именно там. Хорошо, что командование наконец определилось с нами, а то целую

¹⁸ Из стихотворения А. Ахматовой 1915 года из книги «Белая стая».

зиму только и страшало то Финляндией, то Румынией, то черноморскими проливами. Эшелоны дивизии летели без остановок и на разъездах не стояли – настоящая «зеленая улица». Значит, мы действительно где-то были нужны. Сход у проскочили Знаменку, Кировоград, Первомайск и Котовск. Путь в 550 километров окончился на станции Ивановка Одесской железной дороги, в 75 километрах к югу от Котовска. От государственной границы с Румынией на Днестре нас отделял всего один переход в 45 километров.

Прибыли ночью. Разгружались долго. Это было вызвано тем, что одновременно прибыло несколько эшелонов, явно мешавших друг другу при разгрузке. В кромешной тьме южной ночи путались повозки, артиллерийские орудия. Не сразу разобрались, кому что принадлежит. Никто не ожидал одновременного прибытия такого количества войск. Потребовалось несколько часов на то, чтобы все подразделения нашли свое место в длиннющих колоннах полков и дивизий.

Мы с интересом наблюдали, как под утро прибыл эшелон станками КВ («Клим Ворошилов») и ИС («Иосиф Сталин»)¹⁹. Таких тяжелых танков мы еще не видели. Наши сердца радостно и неистово колотились:

– Даешь Бессарабию! Вон нас сколько!

С рассветом выступили. Пулеметы пришлось нести на себе, так как повозки до предела были забиты боеприпасами и продовольствием. Везли черные сухари, пшеничный и гороховый концентраты, воблу, сахар, махорку и другие так необходимые на войне грузы. Мы направлялись отвоевывать Бессарабию – ни больше ни меньше! Никто этого и не скрывал. За зиму столько разговоров было о Бессарабии – мы ее во сне видели.

Обстановка вскоре прояснилась: идем не на границу, а на промежуточный рубеж сосредоточения. Там предстояли тактические занятия на извечную тему «пулеметная рота в наступлении». Десять дней будем снова постигать солдатскую истину: тяжело в ученье – легко в бою!

Самый первый день похода – всего каких-то 30 километров – показал, что к подобным передвижениям мы не готовы. Зимой ходить можем, а летом еще не умеем. Несмотря на то что до места было не так далеко, добрались до большого привала не все. Начну с того, что выступили в поход после трех бессонных ночей; жара – невыносимая; фляги мигом оказались пустыми; шли в касках, обливаясь потом, в непрерывных, сплошных облаках пыли от упряжек артиллерийских батарей, без конца обгонявших наши колонны; несли пулеметы, скатки шинелей, плащ-палатки и всю амуницию; мечтали о дожде, но его все лето не будет.

Для нас, служивших по первому году, этот летний поход оказался не под силу. Первый десяток километров полк бодро шагал в ногу – это в утренние часы, – но затем всех одолела неопишуемая жажда. В селах, которые мы миновали, сердобольные женщины выставляли на скамьях перед хатами ведра с ледяной колодезной водой. Пить во время движения не разрешалось, а почему – мы тогда не понимали. Узнали через пару часов.

На пятнадцатом километре бойцы не выдержали, и строй рассыпался в разные стороны: люди припали к ведрам с водой. Сейчас можно верить или не верить, но мы залпом выпивали по 3–5 литров. Фляги емкостью в 1 литр хватало только на хороший глоток. Мы не пили в обычном понимании этого слова, а попросту выливали флягу за флягой в рот. Приписной состав от нас не отставал. Командиры не удерживали – им следовало подготовить нас к этому до похода.

Результаты «водопоя» не замедлили сказаться. При подъеме на очередную гору полк бесшумно и молча улегся в дорожную пыль. Такого ощущения я никогда ранее не испыты-

¹⁹ По всей видимости – аберрация памяти мемуариста: это мог быть только танк КВ («Клим Ворошилов»). Опытные образцы тяжелого танка «Иосиф Сталин», изготовленного на основе КВ, были выпущены только в 1943 году – после появления у немцев осенью-зимой 1942–1943 годов новых тяжелых танков «Тигр» (см.: Тяжелый танк ИС-2. История создания // Бронеколлекция. 1998. № 3).

вал: вода «ударилась» в ноги. Так повлияло на организм безмерное накачивание его ледяной водой.

Командиры не делали попыток поднять полк – мы все куда-то провалились и не подавали признаков жизни. Проехало большое начальство и укатило дальше, даже не «отматюгав» наших командиров. Те чувствовали себя виноватыми, но изменить ничего не могли: нам надо было через все это пройти. Очень скоро мы усвоили железные правила питьевого режима в летнем походе, и такое с нами больше не повторялось.

Всю оставшуюся часть дня двигался не солдатский строй, а толпа взмыленных, измученных людей, еле волочивших ноги от нескончаемой жажды и уже заработанных водяных мозолей. Многие продолжали осажать колодцы, которых так много оказалось на нашем пути! Колонна теряла бойцов на каждом шагу. Мы шли, а сбоку от дороги одного упавшего отливали водой, другого – клали на носилки и куда-то тащили, а третий лежал, закатив глаза, и дышал, как паровоз. Я в тот день больше не пил, а потому до вечера с ног не валился. В целом наша колонна представляла собой жуткую пародию на «Железный поток» Серафимовича.

Со следующего дня начались тактические занятия по отработке «наступления» – в армии даром есть хлеб не положено. Наступили трудные дни: часами мы двигались бегом и ползком с пулеметами то в гору, то с горы; гимнастерки были насквозь мокрые от пота, который буквально хлестал из-под касок, заливая лицо; ночью гимнастерки высыхали и становились белыми от выступившей соли, а потом – лопались.

Не все сумели выдержать это испытание. В один из больших привалов два представителя солнечной Грузии, исчерпав моральные и физические силы, дружно застрелились из своих пистолетов ТТ. То ли у них действительно иссякли силы, то ли от мысли, что через неделю-другую – в бой, сейчас судить трудно, но этот прискорбный факт имел место в соседнем батальоне, и с ним долго разбирались. Мы, северяне, выдержали и жару, и перегрузку, а они – нет. Никто из нас их не осуждал, но и не жалел. Трудные, порой невыносимые, условия армейской службы в пехотных частях того времени, с которыми пришлось столкнуться, приучили нас негативно относиться к проявлениям человеческой слабости типа «я больше не могу», «я устал», «у меня нет сил» и тому подобным. Большинство моих товарищей считали, что солдат обязан выносить все тяготы службы, а иначе – какой же он солдат, тем более что немолодые командиры запаса делили их наравне с нами.

В эти нелегкие дни я все же сумел отправить Нине целых две открытки без какой-либо надежды, что они дойдут до Ленинграда. На самом деле, у меня в резерве оставалась одна открытка – мы так лихо выехали из Кривого Рога, что покупать было некогда. Эту единственную открытку я аккуратно разрезал вдоль на две половинки. То, что нижняя оказалась без марки, не имело значения: при получении ее Нина оплатит услуги почты непосредственно почтальону, поскольку тогда существовал такой порядок – почту доставляли непосредственно в каждую квартиру.

Разумеется, обратного адреса я не имел, но свое местонахождение указал непосредственно с карты: 47°10" северной широты и 29°40" восточной долготы. Моя подруга – будущий картограф – без труда определила место, где я находился, а ее отец²⁰, носивший четыре «шпалы», думаю, сумел ответить ей на вопрос, что я делаю на границе с Бессарабией, откуда он был родом.

²⁰ Александр Васильевич Траур – доктор географических наук, профессор и генерал-майор инженерно-артиллерийской службы. А.В. Траур родился 13 марта 1893 года в с. Карталы в Молдавии, по национальности молдаванин. В 1931–1946 году он возглавлял кафедру картографии Санкт-Петербургского университета. В начале февраля 1939 года, получив по телефону уведомление о своем увольнении из Красной Армии, обращался с письмом к Наркому обороны СССР маршалу К. Е. Ворошилову с просьбой о восстановлении в ее рядах.

Каждая из половинок открытки действительно дошла до Ленинграда, продемонстрировав тем самым полное единение армии и народа! Ведь вручал я эти горе-открытки в селах прямо на ходу женщинам в руки с просьбой отдать их на почту, а там сразу видели, что посылает солдат, находящийся в экстремальных условиях, да к тому и влюбленный! А женщинам – великое спасибо: это были жители будущего «Приднестровья» девяностых годов²¹.

Питьевой режим мы освоили быстро. Выяснилось, что пока солнце над головой, пить не следует вовсе. Если же станет неважно, можно прополоснуть рот слегка подсоленной водой из нагретой к тому времени фляги и сплюнуть, не глотая. И только, когда солнце уйдет за горизонт, за ужином – перед самым сном – можно отвести душу и с наслаждением выпить 2–3 котелка горячего чая с сахаром и хлебом. Такой режим питья я сохранил на долгие годы, и он меня никогда не подводил.

Еще в эти дни научились ухаживать за ногами: на привалах подолгу держали их в холодном ручье и поднимали на время вверх, чтобы облегчить отток крови. Как только представлялось возможным, тщательно стирали портянки. Все это составляло часть солдатской науки.

2

В двадцатых числах июня, когда правительство маршала Петэна подписало в Компьене акт капитуляции Франции²², мы наконец вышли на границу и сменили там пограничников. Их миссия закончилась: на границе встала регулярная армия – она шутить не привыкла!

Наш 640-й стрелковый полк занял боевые позиции на самом берегу Днестра в районе большого пограничного села Ташлык. До Кишинева – 45 километров. Поскольку мы не пограничники, то и «охранять» границу стали по-своему.

В село входили ночью. Оно выглядело вымершим: жителей не видно. Мы крались вдоль известковых заборов, стараясь, чтобы нас не засветила луна. Временами нас обстреливали стой стороны.

Вдоль берега Днестра мы вырыли окопы в несколько рядов.

В них все светлое время дня отсыпались, наблюдали за действиями румынских пограничников и набивали впрок пулеметные ленты патронами. Румыны тоже готовились. Они таскали на волах пушки и нахально устанавливали их на прямую наводку. Все происходило на наших глазах, так как Днестр здесь неширокий, кусты и деревья растут редко, не образуя густых зарослей.

Ночные часы были для нас наиболее тяжелыми. Ночь напролет мы носили на руках металлические понтоны для будущих переправ: по ним устремятся через Днестр войска первого эшелона, то есть – мы. Понтоны доставлялись на границу автотранспортом, а мы волокли их к урезу воды и укладывали так, чтобы переправу навели в срок, отведенный нормативами. Ночью разговаривать и курить в первые дни стояния на границе категорически воспрещалось, дабы излишне не нервировать румынскую сторону.

Для освобождения Бессарабии в июне 1940 года на границе сосредоточили такое количество войск, которое при всем желании невозможно замаскировать, а видимость конспирации походила на случай со страусом, прятавшим голову под крыло. В Молдавии не было лесов, подобных белорусским, а дивизии и полки стояли уже в несколько эшелонов. Готовились наступать боеспособные стрелковые соединения, артиллерийские полки и бригады, танковые батальоны, зенитные и инженерные части, а также все службы обеспечения.

²¹ Имеется в виду непризнанная Приднестровская республика с преимущественно русским населением, в 1990 г. фактически отделившаяся от Республики Молдовы.

²² Состоялось 22 июня 1940 года.

Позднее мы с грустью вспоминали об этом. Подобного скопления войск на границе на том же самом участке фронта в июне 1941 года мы не увидим! Сколько их там будет, об этом речь пойдет дальше, но в июне 1940 года командование не скупилось на войска. <...>

3

Пока мы готовились воевать с румынами, я успел 26 июня отправить Нине еще одно письмецо-треугольничек непосредственно из Ташлыка. В нем я сообщал: «На грязь не обращай внимания – пишу в окопе. Сейчас я тебе об ЭТОМ могу написать, так как когда получишь письмо, то ЭТО не будет иметь никакого значения...» Не мог я в те дни называть события своими именами. И далее: «Вчера сжег все письма из дома – твои оставил, хотя карманы нужны для другого. Адреса не имею (он за спиной в ранце)...»

В том же письме в качестве эпитафии я привел строчки из стихотворения Радуле Стийенского «Абиссинскому народу»:

Но горизонт становится серее,
Ползет туман от каменной гряды,
И на границе древней Эритреи
Легионеры строятся в ряды²³.

Эритрея – это Румыния, а легионеры – это мы. Поэтические волны накатывались на меня независимо от окружавшей обстановки. В любом случае это письмо могло оказаться последним: завтра в бой!

Страна в эти дни жила спокойно и ничего не ведала о нас, всерьез готовившихся к боевым действиям. Дивизионная газета «За Родину» выходила с четким, недвусмысленным заголовком: «За советскую Родину, за Сталина, за советскую Бессарабию – вперед в наступление!» Бойцы и командиры писали в газету, что «не пожалеют ни сил, ни жизни для выполнения ЛЮБОГО приказа Родины!»

Ротный «Боевой листок», который я выпускал с самой зимы, конечно же не уступал дивизионной газете и призывал к тому же. Но о вероятном ударе на Плоешти не было даже и слухов, а солдаты, как известно, всегда знали обо всем. Точнее – могли знать раньше, но с приездом Жукова любая утечка информации каралась самым строгим образом...

В нашей пулеметной роте был сформирован четвертый взвод и оснащен зенитными установками на базе крупнокалиберных пулеметов калибра 12,7 мм. Мы сами смонтировали их на треногах, не задумываясь над вопросом: «А была ли у румын авиация?»

Второй взвод, в котором я служил, получил боевую задачу: на бронетанков-амфибий, давно стоявших в кустах за нашими спинами, форсировать Днестр. Танки должны были уйти вперед, а мы – занять оборону на румынском берегу и вести пулеметный огонь по противнику до тех пор, пока не наведут понтонную переправу и по ней не ринется вперед первый эшелон наступающих войск. Первый и третий взводы должны были прикрывать нас огнем елевого берега, а четвертый взвод – следить за «воздухом».

26 июня Румынии был предъявлен ультиматум, смыслом которого было: «Верни Бессарабию по-хорошему!»

Началось томительное ожидание. Все дела давно переделаны. Казалось, теперь можно и отоспаться, но никто о сне и не думал. Нервы у всех напряжены. Завтра столкнемся со смертью. Для тех из нас, кто не успел побывать на финской, это будет первый бой. Такое

²³ Перевод А. Штейнберга.

не забывается. Разве тут доена? Мы с Травниковым без конца проверяли и смазывали замок пулемета, чтобы он не подвел нас в бою.

В последнюю мирную ночь никто на границе не спал. На берегу Днестра пылали костры. С конспирацией давно покончено; сверкали в ночи штыки и каски; бойцы молча стояли вокруг костров и ждали рассвета, а с ним и команды «Вперед!».

Каждый думал о своем и мысленно прощался с домом, сродными и любимыми. Мы понимали, насколько все серьезно, что нас ожидает настоящий бой, а не учебный, как было до этого.

Утром обстановка прояснилась: Румыния капитулировала. Небо покрылось краснозвездными самолетами. Враз грянули солдатские песни над Днестром. Споро навели понтонные переправы, и по ним пошли танки, а за ними – пехота. Мы снова будем жить!

Население Бессарабии встречало войска цветами, песнями и танцами, как настоящих освободителей. Кто думал иначе – заранее сбежали в Румынию. Осталась беднота, тяготевшая к Советской России и не боявшаяся советской власти.

Мы же так и остались в своих окопах наблюдателями всеобщего праздника. Помню, как не понравились командиру полка речи бойцов:

«В бой нас первыми посылали, а в Бессарабию с песнями другие пошли?»

Но приказ – есть приказ. В мирной Бессарабии столько войск не требовалось, и всех повернули назад.

Наша 147-я стрелковая дивизия осталась дежурной частью на старой границе. В направлении Кишинева пошел наш сосед справа – 95-я стрелковая дивизия. Ее штаб расположился в Кишиневе. На левом фланге в направлении Комрат-Кагул двинулась 25-я Чапаяевская дивизия. Ее штаб – в Кагуле. Обе дивизии – стрелковые, одни из лучших и боеспособных дивизий Одесского военного округа. До начала Великой Отечественной войны обе дивизии оставались в Бессарабии. Они встретили на границе первый день войны и первыми вступили в бой с противником. В 1941 году они опять будут правым и левым соседями моей дивизии, которая займет рубежи обороны на реке Прут между ними точно так, как в июне 1940 года на рубежах Днестра. Только номер станет другим – 150-я стрелковая дивизия, куда меня скоро переведут.

А пока, в первой декаде июля, 147-я стрелковая дивизия получила приказ походным маршем двигаться обратно на восток. Переход на станцию Ивановка на этот раз тяжелым не показался. Мы освоили марш нагруженной пехоты в условиях знойного южного лета. На станции все боевое имущество погрузили в эшелоны, в том числе и оружие. Нам предстоял необычный марш – налегке! Все радовались, а мы с Травниковым – вдвойне: без пулеметов почувствовали себя именинниками. Хоть раз отдохнем от него, родимого, ибо летом таскать пулемет намного трудней.

16 июля покинули Ивановку. Оставили места, где готовились воевать и умирать, и опять зашагали навстречу недолгой мирной жизни.

До свидания, Бессарабия! Мы так и не побывали на твоей гостеприимной земле, но через год нам суждено вернуться в твои цветущие края для участия в смертельной схватке с фашизмом.

Все, что было здесь в июне 1940 года, явилось лишь прелюдией к большой войне. Она была не за горами, она – приближалась.

Мы еще вернемся!

Александрия

Пока разбирались с Румынией, произошли изменения и в далекой от нас гражданской жизни: 26 июня 1940 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О пере-

ходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». В нем же устанавливалась уголовная ответственность за 21-минутное опоздание на работу²⁴.

Указ Президиума ВС СССР об увеличении длительности рабочего времени (восьмичасовой рабочий день и семидневная рабочая неделя) без изменения размеров тарифных ставок и окладов, о запрещении неоправданного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений и наказании за прогулы 2–4 мес. исправительных работ.

Требования к трудовой дисциплине ужесточались, а мы продолжали ждать и надеяться на сокращение длительности своего солдатского рабочего дня. Вывод напрашивался немудреный: пока не схлестнемся с Гитлером, наши помыслы бесплодны. Страна продолжала готовиться к нешуточной войне, и принятые меры казались оправданными.

Кстати, сталинская Конституция 1936 года, принятая в свое время с большущей помпой, гарантировала советскому народу семичасовой рабочий день. Сегодня же обстановка в Европе диктовала иное: рано или поздно фашизм должен быть уничтожен. Ради этого можно и потерпеть...

Тем временем полки дивизии двигались по заданному маршруту. Нам не надо было вновь осваивать режим питья и учиться ухаживать за собственными ногами. Мы опять превратились в нормальный солдатский строй и стали ротой, батальоном, полком. Поток войск нескончаем. Начала и конца запыленных колонн не видать. Солдаты шли свободно и не валились с ног от жажды и изнеможения. Мы перешли в следующий «класс» армейской школы.

Нам предстояло пройти по Украине около 450 километров в «пиковую» жару в период с 16 по 26 июля – по 50 километров в сутки. Походы зимой освоили в Ромнах, походы летом – в Молдавии. Теперь нам было «море по колено».

Напоследок лакомились сладкими ягодами молдавского тутовника и пели, пели без конца. Что мы пели? Да то же, что и зимой: «Три танкиста», «Катюшу», «Песню 27-й дивизии», «Авиационный марш», «Пехотную строевую», «Галю молодую» и другие. Самой близкой и душевной казалась нам «Катюша». Почему? Да мы только что сами ушли с «дальнего пограничья». А еще любили песню, где припевом служили слова:

Белоруссия родная, Украина золотая!
Наше счастье молодое
Мы стальными штыками защитим!²⁵

<...> В походе держали строй и печатали шаг; в городах и поселках проходили парадным расчетом перед командованием дивизии, которое заблаговременно заботилось о возведении импровизированных трибун; гремели полковые оркестры; вокруг трибун – скопление местных жителей; ораторы провозглашали здравицы и приветствовали проходящие колонны: «Привет освободителям Бессарабии!», «Да здравствует Красная армия!», «Слава Сталину!» От такой торжественности мы невольно задирали носы и ощущали себя всамделишными освободителями несчастной Бессарабии, хотя и одной ногой в ней небыли. Правда, случись бой – тогда мы оказались бы в штурмовой группе первого броска...

Миновали Ак-Мечеть (Белую Церковь) и Кировоград. В последнем состоялся внушительный парад дивизии. Как и до того, оглушительно громыхали духовые оркестры, звенели песни, нам кидали цветы и посылали воздушные поцелуи. По глазам восторженных людей

²⁴ Опоздание приравнилось к прогулу и могло повлечь за собой от 2 до 4 месяцев лишения свободы.

²⁵ Из популярной песни военных лет «Белоруссия»(цитата по памяти; правильно: «Ваше счастье молодое / Мы стальными штыками защитим оградим»).

было видно, что это не надуманный, не трафаретный праздник, а волеизъявление души – собравшиеся выплескивали на солдат частицы безудержного личного счастья от сознания того, что на этот раз обошлось без войны! Это и неудивительно: родные многих, окружавших нас, также служили в частях Одесского военного округа...

Мы втянулись в режим похода с первого дня и сохраняли его до конца пути: подъем в 2 часа ночи и завтрак; шли около десяти часов до обеда, то есть до 12 или часу дня; обед и привал в тенечке со сном до 5–6 часов вечера; снова шли до 10–11 часов вечера, ужинали и спали до двух часов ночи. Выходило, что мы двигались по 14–15 часов в сутки.

За лето спать в полевых условиях научились не хуже, чем в казармах. Как правило, мы с Геннадием неразлучно спали вдвоем: одну шинель стелили на землю; на нее ложились и укрывались второй шинелью, а также двумя плащ-палатками; под головами – неизменные противогазы. Вполне комфортно. Как ни странно, но ночи бывали холодными – особенность континентального климата.

В этом триумфальном походе мы все-таки падали наземь в строю, но не от усталости – с этим все в полном порядке, – а оттого, что засыпали на ходу. Звенели каски, стучаясь одна о другую; идущие рядом с хохотом помогали подняться заснувшему в строю, и шли дальше. Я научился подолгу идти с закрытыми глазами и не падать. Бывало, одним глазом посмотришь вокруг, но темень южной ночи такова, что хоть глаз выколи – все равно ничего не видать.

В дневное время нас спать не тянуло: мы с любопытством всматривались в новые, невиданные ранее места – знакомились с ландшафтом южной Украины. На этот раз мы не выглядели пародией на «Железный поток» Серафимовича, а и впрямь шли железным потоком.

По истечении десяти походных дней прошли город Александрию и остановились в летнем лагере военного городка в восьми километрах от нее. Началась привычная солдатская учеба. Снова стали спать под крышей и есть за столом. Эти житейские привычки мы успели утратить.

Не проведя в Александрии и четырех дней, я внезапно был вынужден выехать в Одессу: не спросив согласия, мне по быстрому оформили документы и командировали в Одесское пехотное училище имени К.Е. Ворошилова. Я говорю: «Меня по глазам не примут», а мне в ответ: «Вот твое личное дело. Тебя при призыве определили в стрелковую полковую школу. Ты скоро год, как служишь, а все – рядовой. В Одессе разберутся!»

Спорить было не о чем – выехал в Одессу. До нее 450 километров по железной дороге. Проехал Знаменку, Кировоград, Вознесенск и Березовку. В районе последней через год произойдет страшнейшее событие в моей жизни, но об этом – позже...

Вот и Одесса. В ней никогда не бывал. Очень красивый город, много зелени, цветов и лазурное море. Чем-то Одесса напомнила мне Ленинград в миниатюре.

Пехотное училище поразило главным образом своей сногшибательной столовой. Это был совсем другой мир: официантки в белоснежных кофточках и с кружевными наколками на царственных прическах. Обслуживание – на уровне фешенебельного ресторана. А каким оказался обед! До этого я и представить не мог, что пехоту так могут кормить – мы не подводники и не летный персонал. На первое – мясной борщ с белым хлебом, на второе – мясные котлеты с макаронами и подливкой, а на третье – кисель или компот из свежих фруктов. Все это после повседневных пшленно-гороховых концентратов и ржаных сухарей казалось непривычным, ошеломляющим, присущим какой-то другой, незнакомой жизни. Поневоле захочешь поступить в училище.

К сожалению, медкомиссия не пропустила по зрению, и я был направлен обратно в полк. Стало грустно: вести огонь из пулемета в бою пригоден, а командовать пулеметами

не гожусь. С нашей роты в училище приехали трое, в том числе и Травников. Он тоже не прошел, его уже отправили в полк, а мои документы задержались.

Вернувшись в Александрию, с огорчением узнал, что полка не стало: приписной состав отпустили домой, а остальных направили в Котовск – во вновь формируемый мехкорпус. Так я навсегда потерял Травникова. Через пару дней с остатками расформированного 640-го стрелкового полка я выбыл из Александрии к новому месту службы – снова в Одессу.

Одесса

1

Это – опять судьба. Я, как и Травников, как и все ленинградцы, что прибыли тогда в Чернигов, находился в списке на отправку в Котовск – в рождающийся мотомехкорпус. Но это только звучит здорово. Корпус к началу войны не успели укомплектовать техникой, а только – пехотой. В результате, встав на пути врага, он был практически разгромлен в жестоких приграничных боях, и его следы затерялись. Это произошло на левом фланге Юго-Западного фронта...

Итак – снова Одесса. Моя новая часть – 674-й стрелковый полк 150-й стрелковой дивизии. Этот полк стал третьим по счету за девять месяцев первого года моей службы.

У дивизии был большой послужной список: она прошла Польшу и Финляндию. Например, во время финской кампании полком командовал Герой Советского Союза полковник Нетреба²⁶. В то время, о котором идет речь, он уже был переведен с повышением... Две военные кампании изменили людей: они прошли через смерть и ранения, научились хладнокровно убивать, теперь многие не могли разговаривать без мата. За весь 1940 год, как бы нам не было трудно, мы обходились без него. А эти люди, познавшие огонь войны, необходимость убивать других – на войне ты должен убить первым, иначе убьют тебя! – не могли обходиться без мата, хотя, считаю, что элемент распушенности и вседозволенности имел место.

Зачастую начальник штаба батальона орал на лагерной линейке:

– Командир третьей роты! Какого х... рота не выстроена?

Не знаю, чем объяснить, но было и такое: «Порядочек в полку: если в строю по команде „смирно“ шевельнешь головой или рукой – 10 суток ареста, а при команде „вольно“ – 5 суток. Уже есть много „жертв“, как тебе это нравится?..»

Дивизия прибыла в Одессу недавно, имея большой некомплект личного состава. Многие еще находились в госпиталях. Личный состав полка в эти дни обновлялся. Старослужащих, призванных из запаса на Польшу и Финляндию, наконец отпустили домой. В моей пулеметной роте их осталось совсем немного, да и то не все еще выписались из госпиталя.

До начала войны с Германией дивизия составила гарнизон Одессы. Наш полк располагался в стационарном летнем лагере на окраине города, вытянувшись вдоль Пролетарского бульвара, идущего от центра города в сторону прибрежной парково-пляжной зоны отдыха, именуемой Аркадия. От нас до моря было всего 1,5 километра, а мимо наших палаток целый день с грохотом проезжали трамваи. Палатки были настоящие: на фундаментах, с койками и электроосвещением.

Из письма Нине от 17 августа: «В этом полку свободных минут нет. Строевой подготовкой занимаемся 12 часов в день. Уехали последние старички. На их место приехали новенькие – лет на 10 моложе – 1912–1915 годов рождения. Нашел земляка, но он уже сегодня

²⁶ Об участии капитана В. Г. Нетребы в советско-финской войне см.: *Клавдиев С.* Захват первых железобетонных точек (на сайте: <http://militera.lib.ru/h/suomi/23.html>).

увольняется. Это командир первого взвода, лейтенант запаса, призванный осенью 1939 года с завода „Электрик“. Два раза был ранен. Он много мне рассказал о войне. Есть еще один из Ленинградской области, из Окуловки, – это лейтенант нашего взвода, но он еще не выпи-сался из госпиталя, и пока замещаю его я».

Надо пояснить: осенью 1940 года в армию призвали лиц, окончивших высшие учебные заведения и пользовавшихся до этого отсрочкой от призыва. В этот список попали те, кто родился с 1912 по 1915 год. Среди них через короткое время я уже имел много друзей и знакомых.

В отношении меня было много неясного: мне предстояло служить два года, причем второй год – младшим командиром. За это время меня должны были подготовить на младшего лейтенанта, но звание присваивалось райвоенкоматом по месту жительства при постановке на военный учет после увольнения в запас. Вроде все просто, но для меня – не совсем: я опасался, что плохое зрение помешает присвоению звания младший лейтенант и я останусь служить на третий год сержантом. Все это было «вилами по воде писано», но в принципе так могло случиться.

Я благополучно сдавал все нормативы по курсу подготовки сержантского состава, но что-то всегда мешало присвоению звания: то подготовка к финскому фронту, то летняя кампания по освобождению Бессарабии, то переводы из одной воинской части в другую, где все начиналось сначала. В тоже время я всегда имел целый ряд дополнительных служебных обязанностей, потому что у меня было среднее образование; я прослужил почти год и неоднократно прошел курс полковой школы или учебной роты. Таким образом, подготовку я имел, а отсутствие звания сержанта – это как бы недоразумение, которое вот-вот будет исправлено. Так и тянулось из полка в полк. В новой части меня сразу ставили на соответствующую сержантскую должность, но без оформления приказом по полку. Это было даже выгодно: не надо увеличивать денежное довольствие. Я одновременно рядовой, но исполняю обязанности сержанта – это удобно: куда надо, туда и пошлют. Меня это тоже устраивало – я всегда находился на особом положении, а командиров в полку постоянно не хватало.

Так, по прибытии в Одессу меня определили первым номером пулеметного расчета, комсоргом роты, редактором стенгазеты и исполняющим обязанности помощника командира взвода. Поскольку командир взвода после госпиталя подлежал демобилизации, то возникал вопрос: что я за помощник командира, который практически в полк не вернется? Было ясно, что мне придется полностью заменять командира взвода до тех пор, пока не приедет выпускник училища. Это могло произойти и через месяц, и через два.

Кормили в полку вполне прилично, если учесть, что в летних походах мы часто отрывались от обозов и питались одними ржаными сухарями с колодезной водицей...

Я снова был в гарнизонном карауле. На этот раз на аэродроме. Пост достался весьма необычный: 60 истребителей, выстроенных в одну линию. Ночью приходилось шагать и шагать вдоль них, пока все не обойдешь. Зато днем хорошо: они все в воздухе, и охраняешь только пустую площадку да детали от разобранных самолетов.

В письме Нине от 25 августа я писал: «Как бы я хотел тебя увидеть!!!» И Бог услышал мою мольбу: через пару дней я был вызван в штаб полка, где мне предложили – в который раз! – ехать в военное училище. На этот раз на повестке дня стоял мой город – Ленинград! Разрядка была такой: от полка требовался один человек в Ленинградское артиллерийско-техническое училище и один человек в Ленинградское ветеринарное училище. На следующий день мне следовало подать рапорт по команде. Вот задача! Если укажу артиллерийское, то меня смогут и не послать, если у других абитуриентов показатели окажутся лучше моих (характеристики – служебная и комсомольская, стрельба, тактика и пр.), да и желающих поступить в артиллерийское училище всегда более чем достаточно: артиллерия – бог войны! Если укажу ветеринарное училище, то пошлют наверняка – тут претендентов

не будет, и примут обязательно, потому что зрение здесь не помеха, но роль «лошадиного доктора» меня вовсе не радовала. А в Ленинграде побывать так хочется! Как поступить?

Думал-думал и рискнул махнуть рукой на поговорку о двух зайцах. В рапорте я изложил просьбу направить меня в артиллерийское училище, а если не будет такой возможности, то – в ветеринарное. Обосновал свое решение тем, что хочу учиться в любом училище, но в своем городе. Назавтра меня известили о том, что я направлен в артиллерийское училище.

Как поется в песне: «Были сборы недолги...» – и 1 сентября 1940 года я покинул Одессу. За этот месяц я освоился в новом полку, приобрел хороших товарищей, и меня уже знали многие. Друзья попрощались со мной в полной уверенности, что в полк я не вернусь.

2

В Ленинград прибыл 3 сентября. Сразу заявился в училище – оно на Литейном проспекте напротив Большого дома и называлось: «3-е Ленинградское артиллерийско-техническое училище».

Спрашивают:

– Ленинградец?

– Да.

– Ночевать есть где?

– Конечно.

– Тогда поживи пару дней дома – у нас все переполнено...

Конечно, я не стал возражать. Но лучше бы не предлагали: загулял я с Ниной, а когда вернулся в училище, то чуть не угодил под трибунал за «самоволку» – тогда с этим строго было.

Отец ездил к начальнику училища бить челом. Я был прощен и откомандирован обратно в полк. Выехать из Ленинграда мне следовало на следующий день – 11 сентября. Билеты на руках, документы – тоже. В те годы их сворачивали в трубочку, заклеивали и вручали владельцу, а по почте не посылали.

Поезд на Одессу уходил днем с Витебского вокзала. Была суббота. Сутра мы с Ниночкой опять прощались, как и год назад, гуляя по Большому проспекту. К 12 часам я вернулся домой забрать вещевой мешок (заплечные ранцы ушли в небытие сразу после Бессарабии!), документы и ехать на вокзал. Родители еще не знали о моем отъезде. Мама спросила:

– Будешь сейчас обедать или папу подождешь? – Отец иногда приходил на обед домой.

Мне уже обедать некогда было, а борщ выглядел так заманчиво! С минуту я колебался:

– Наливай, мама. – Это означало, что сегодня я никуда не поеду. Мне трудно объяснить свой поступок, но это случилось.

Пообедав, я остался дома – теперь спешить было некуда. Я решил вскрыть сверток с документами и впервые увидел свои прекрасные характеристики из полка – служебную и комсомольскую, – а также и новый документ, извещавший штаб о том, что я не принят в училище «по причине недисциплинированности». Дело «пахло керосином», но я мгновенно принял новое решение. Письмо на имя командира полка порвал. Документы снова свернул и заклеил. С ними в понедельник пойду по всем училищам города: авось, где-нибудь пригожусь!

Первый визит я нанес в 1-е Ленинградское артиллерийское командное училище на Васильевском острове. Здесь прием закончился, и свободных вакансий не было. Поехал во 2-е Ленинградское артиллерийское командное училище. Оно – на улице Воинова. Встретили хорошо. Майор, начальник строевой части училища, познакомил меня с двумя солдатами, пришедшими за несколько минут до меня. Они – артиллеристы из Ленинградского военного округа, не то что я – пехота из далекой Одессы.

Майор был озадачен:

– Что мне с вами делать? Прием в училище давно закончен.

Все же он решил ознакомиться и с моими документами, разорвал сверток – теперь я в любом случае спасен! – и обомлел: настолько сказочные характеристики выданы мне полком. Как оказалось, у моих новых приятелей документы были не хуже: каждый полк стремился выполнить разнарядку по училищам.

Майор забеспокоился:

– Не хочу вас отпускать. Пойду к начальнику училища. Попрошу зачислить дополнительно.

Мы ждали долго. Наконец, майор появился:

– Начальник училища не разрешил. Вам предлагается на выбор ряд артиллерийских училищ, где прием еще не закончен: Пензенское и Тамбовское – противотанковые, Севастопольское и Бакинское – зенитные. Выбирайте!

Мы поняли друг друга с первого взгляда: нас привлекло Бакинское зенитное училище (оно подальше других!), и майор начал готовить наши документы к переоформлению, но у артиллеристов все было в порядке, а у меня...

– У вас уже взят билет на обратную дорогу? – удивлен но спросил майор.

– Так точно, – отвечаю. – Разрешите съездить на вокзал, сдать билет и вернуть воинское требование. Мой поезд ушел еще позавчера!

– А получится?

– Надо попытаться!

Оставив вещи и документы в училище, я помчался на Витебский вокзал. Там меня огорошили:

– Ваши проездные документы сданы в отдел доходов Кировской железной дороги, Фонтанка, 117. Туда и обращайтесь.

Среди огромного количества комнат многоэтажного здания не сразу нашел ту единственную, которая была нужна. После продолжительных объяснений и с разрешения начальника дороги воинское требование мне вернули.

Я поспешил в училище, где меня с нетерпением ожидали все трое. Артиллеристы сидели и читали журналы, а майор волновался, так как был уверен, что требование на билет мне не возвратят.

Появившись, не скрывая радости, я бодро отрапортовал:

– Товарищ майор! Все в порядке – вот требование на билет.

Довольный таким окончанием дела, майор тут же оформил нам троим единые документы на Баку, после чего мы поблагодарили его и тепло попрощались. Я был признателен майору за то, что он невольно меня выручил. Выйдя на улицу, попросил артиллеристов встретить меня вечером у вагона московского поезда, а сам – в который раз! – поспешил прощаться с Ниной. Родителям я ничего не объяснял, отделиваясь шуточками, однако под занавес бросил загадочную фразу: «Есть на свете страна, и зовется она – Закавказье!» После в письмах все им объясню, а на словах – не нашел времени. Поздно вечером, взмыленный, я прилетел на вокзал к отходу поезда. Ребята, ожидая меня, не находили себе места:

«Не опоздаю ли я?»

В ночь с 12 на 13 сентября 1940 года мы выехали из Ленинграда в Москву, где предстояла пересадка на поезд Москва-Тбилиси, проходящий через Баку.

Дальнее путешествие до Баку прошло без приключений. На такое расстояние – около 3000 километров – ездить мне не приходилось. Позади – Москва, Воронеж, Ростов. На Северном Кавказе тоже не бывал и с интересом смотрел на экзотические названия станций, мелькавших за окном вагона, – Армавир, Невинномысская, Гудермес, Махач-Кала и Дербент.

16 сентября прибыли в Баку. Училище вкратце звучало довольно оригинально – БУЗА. Это – Бакинское училище зенитной артиллерии.

В первый же день мы выдержали вступительные экзамены, прошли мандатную комиссию, и вот мы – курсанты. На второй день приступили к занятиям – началась обычная учеба.

В составе учебной батареи, куда был зачислен, ежедневно с песнями шагал по улицам и проспектам солнечного Баку, занимаясь строевой подготовкой. По выходным лакомился чуреками и виноградом, гуляя по городу уже один, без строя. С режимом училища я освоился с ходу: служба есть служба, где бы она ни проходила.

Я уже писал Нине и домой письма, с удовлетворением сообщая, что жизнь и служба в Баку вошли в нормальное русло, как внезапно нам устроили медкомиссию. Она немедленно забрала меня. Какой же я зенитчик, если недостает остроты зрения? Я был расстроен, так как вполне прижился в училище. Снова мне оформили проездные документы, и я, успевший привыкнуть к Баку, 27 сентября выехал обратно в Одессу, в полк. Месячный «отпуск» был окончен. Впереди лежал путь в 2300 километров.

На одной из станций согрешил. Вышел из вагона посмотреть торговые ряды, которые выстраивались к приходу каждого поезда. И чего только там не было: всевозможные фрукты, жареные курочки, отварной картофель, исходящий паром, соленые огурчики и пунцовые помидоры. Я заинтересовался арбузами: взял в руки один из них и устанавливал его спелость. Вдруг – сигнал на отправку. Я пошарил по карманам, а там одна мелочь – ее слишком долго считать. В Баку я издержался и возвращался в Одессу практически без денег. Что делать? Я бросился с арбузом в руках догонять тронувшийся поезд, а продавец закричал, как будто его режут:

– Солдат, солдат! А как же деньги? – «Ладно, – думаю, – пусть пожертвует свой арбуз на благо защитнику отечества, не обеднеет»...

И вот за окном появились ставшие родными украинские поля, холмы и перелески. Скоро Одесса. Вагоны – полупустые, пассажиров совсем мало. На одной из станций напротив меня устроился старший лейтенант. Форма – с «иголочки», португепя новенькая, все ремни тщательно пригнаны, поскрипывают, лучи солнца играют на хромовых сапогах: те блестят, как начищенный самовар. Сам лейтенант выбрит чисто, до синевы, наверное, штабник. Чем-то он мне не понравился: слишком красивый, холеный был, что ли? Во всяком случае, обычного разговора попутчиков по купе у нас не получилось:

– Откуда родом, солдат?

– Из Ленинграда.

– А где служишь?

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите на вопросы о службе не отвечать! – сказал как отрезал. Пусть видит, что и солдаты службу знают: командирскую форму каждый может одеть, а шпионов в стране навалом. Мой попутчик явно не ожидал такого ответа, но тем не менее я заметил искорки удовлетворения, промелькнувшие в его глазах. Странно, что это за человек? Разве мог я тогда предположить, что именно с ним будет связана моя дальнейшая судьба? До самой Одессы мы таки не разговаривали: каждый из нас с безразличным видом смотрел в окно и скучал.

Приехали. Вышли в город и разошлись каждый по своим делам, на прощание отковыряв друг другу: я довольно холодно и равнодушно, но четко, как заправский строевик, а он – довольно доброжелательно и чуть ли не с легкой усмешкой, но небрежно, как и положено штабникам.

3

В полку меня встретили радостно. Никто и не ждал – всего-то месяц прошел! И снова и моя жизнь потекла своим чередом в пулеметной роте.

Наступил октябрь. Пошли дожди. Наши красивые с виду палатки оказались вполне протекаемыми, и мы буквально плавали в них по ночам. Температура нулевая и ураганные ветры. Мы и прошлой зимой так не мерзли, а теперь едва не обмораживали руки и ноги. Занятия проходили в окопах и траншеях, залитых водой. Задень все обмундирование намочало. Ложась спать, мы, не раздеваясь, заворачивались в одеяла с головой. Кроме того, днем находили разные тряпки и пришивали их к гимнастеркам с внутренней стороны – на грудь и на спину. Это немного согревало. Мы неделями не раздевались, не разувались и не снимали шинелей. Почти как на фронте. А в Баку было так тепло...

В конце октября меня перевели младшим командиром во вновь созданную специальную учебную роту, в которой готовили командиров-пулеметчиков. Ее состав – специалисты с высшим образованием, имевшие ранее отсрочку от призыва и родившиеся в основном в 1913–1914 годах.

В этой учебной роте я пробыл менее месяца, а затем – переведен в другое подразделение. Тем не менее в учебной роте у меня осталось много друзей и хороших товарищей, с которыми впоследствии не раз сталкивался как в рядовых, так и в чрезвычайных ситуациях. Многих из них я запомнил надолго. Среди них – Семивеличенко, серьезный, плотный мужчина. Вскоре он пожелал перевестись на ускоренные курсы младших лейтенантов. Смирнов и Могилевский – оба высокие, быстрые, решительные. Они будут активно работать в полковой разведке на фронте в 1941 году. Михаил Абрамович Кур – учитель географии из Симферополя. Борис Ткачук и Иван Юхимович Кучеренко – учителя математики...

Спрашивается: неужели учителям не было другого применения, как делать из них командиров отделений пулеметных взводов? Учителей математики в любом случае следовало использовать в артиллерии – это и я тогда понимал. Мы видели, что Сталин торопился с увеличением числа корпусов, полков, дивизий и военных училищ. Во многом – неразбериха, например, меня, пехотинца из Одессы, послали в Ленинградское артиллерийское училище. Это же ненормально! Недосуг было возиться с каждым из нас в отдельности, да еще считаться с нашими желаниями – для системы мы представляли собой просто человеческий материал, причем не только солдаты, но и командиры всех рангов. Мы понимали и соглашались с этим, поскольку все, что работало на будущую Победу, устраивало нас, и тот настрой, которым были охвачены еще в Чернигове, оставался с нами...

На этот раз меня перевели в необычное, только что сформированное подразделение типа полковой школы. Оно также должно было выпускать новоиспеченных младших командиров, но контингент здесь оказался особым.

Осенью 1940 года в освобожденных год назад областях Западной Украины и Западной Белоруссии состоялся первый призыв местной молодежи в ряды РККА. В наш полк прибыла партия молодежи из города Львова. Из них сформировали подобие полковой школы. Их и одели получше, чем одевали своих; и поселили в добротной казарме; и все делали для того, чтобы они быстрее адаптировались к непривычным для них условиям нашей армии.

Когда решался вопрос о младших командирах для этой особой полковой школы, то командование полка по указанию дивизии направило в школу по индивидуальному отбору тех старослужащих – а я уже относился к этой категории, – кто имел за плечами десятилетку, кто сам прошел полковую школу и по оценке командования мог успешно справиться с поставленной задачей. Так я стал помощником командира пулеметного взвода, причем

командиров взводов, да еще пулеметных, в полку по-прежнему не хватало, и я, как и ранее, фактически занимал эту должность. Намного позднее мне стало известно, что это была вполне целенаправленная политика: намного дешевле обходилась армия, когда подготовленные рядовые замещали командиров взводов. Сержантских треугольничков я пока так и не имел, но в полковых документах числился годным для такой работы, исходя из опыта предыдущей службы. Звание вот-вот обещали присвоить, а я не форсировал этот вопрос по соображениям, изложенным выше.

В результате пришлось мне привыкать к особенностям этого необычного контингента, к их языку, нравам и обычаям. Русский язык они категорически отвергали. Я старался быть снисходительным ко всему, чем они отличались от наших парней. Но одно просматривалось четко: служить в нашей армии они не хотели, хотя это нежелание обретало мягкие формы протеста, агрессивных действий или высказываний с их стороны я не припоминаю. Они упорно называли меня «пане командир» вместо «товарищ командир». Работать с ними было интересно, но нелегко. Многие из них окончили гимназию. Малограмотные среди них не встречались.

Когда полк приступил к усиленной строевой подготовке в преддверии ноябрьского военного парада, который в Одессе издавна проходил на так называемом Куликовом поле, наша школа тоже включилась в эту подготовку. В центре Одессы нам выделили широкие асфальтированные улицы, где мы и маршировали сутра до вечера.

Случались и казусы. Нам приходилось по многу раз проходить со штыками наперевес мимо среднего медучилища. Как-то в середине дня из его парадных дверей высыпала стайка веселых девчат, у которых только что закончились занятия. Что тут произошло с нашим строем? Все одновременно обернулись в сторону этих прелестных созданий, штыки застучали по каскам впереди идущих, и такой пошел перезвон по колонне, каких у нас еще не бывало. Хохотали девчата, смеялись солдаты, улыбались командиры. Порядок в шеренгах навели быстро, но этот забавный эпизод запал в память.

К ноябрьским праздникам мы получили новое зимнее обмундирование и приоделись. Впервые зимним головным убором стала шапка-ушанка.

7 ноября в парадном строю мы продемонстрировали мощь 150-й стрелковой дивизии. После парада, как всегда, спали, а вечером смотрели кино. Праздники у нас проходили, как правило, весьма скромно.

10 ноября ночью произошло землетрясение. Для Одессы – это редкий случай. Был всего один толчок – как сообщало радио – силой 7 баллов по шкале Рихтера. Говорили, в городе обвалилось несколько домов. Больше других пострадала Ришельевская улица. Горожане в нижнем белье выскакивали на улицу.

Мы вели себя не лучше. Казарма оказалась прочной: она только раскачивалась, да стены немного треснули, и с них посыпалась штукатурка. Из оружейной пирамиды винтовки с примкнутыми штыками посыпались на пол. При падении они поранили нескольких человек. Мы спали в большой зале – все 400 человек – и интуитивно поняли, что надо, не мешкая, выскакивать на улицу. Одни бросились к лестнице, ведущей во двор, а кто-то полез на подоконник, чтобы прыгнуть со второго этажа вниз. В конечном счете все оказались во дворе военного городка, где уже было полно однополчан.

Пострадавших ни у нас, ни в городе, послухам, не было. Все длилось не более 3–5 минут, но запомнилось. Многие бывали либо на лодке, либо на судне и знали, что палуба всегда ходит под ногами. Так и должно быть, поскольку происходит на воде. А в отношении земли-матушки, почвы, на которой выросли и живем, с детства усвоили истину: земля незыблема! В момент землетрясения именно она заходила под ногами, и это показалось страшным. Это стихия природы, и никто не застрахован ни от каких случайностей, а изме-

нить что-либо, противостоять этому нам не дано. Сознание полной беспомощности вызывало неподдельный страх. Долго еще мы вспоминали те неприятные минуты...

Снова потеплело, даже стало жарко. Мы опять стали ходить в пилотках и без шинелей, а ведь совсем недавно замерзали. Даже листва сохранилась зеленой и не пострадала от ранних холодов. В полях еще можно было встретить цветы, а в огородах – помидоры. Последние мы с охотой поедали во время тактических занятий.

В письме Ниночке от 15 ноября есть такие слова: «Но это только сейчас тепло, а скоро будет жарко (примерно когда Молотов покинет Берлин). Тогда будет настоящее „лето"...» Так мы, солдаты и младшие командиры срочной службы, по-своему откликались на события текущего дня.

Через две недели должен был исполниться год начала моей службы в армии. Как-то незаметно пролетело время. Куда меня только не кидало: и на север, и на восток, и на запад. Впечатлений было хоть отбавляй, но однообразной, монотонной, тягостной или скучной военной служба для меня не была. Служил нормально, как и все вокруг меня: ждал обеда, ждал отбоя, ждал писем, ждал увольнения в запас, выполнял все, что требовали уставы.

И вот, пожалуйста, очередной «сюрприз». Неожиданно в школе появился посыльный из штаба полка и потребовал идти с ним в штаб. Там у меня знакомых не было. Странно: кому я мог понадобиться?

Пришли в штаб, поднялись на второй этаж и направились в конец коридора, где находился локальный пропускной пункт: стоял часовой с винтовкой, а за ним – две двери в решетках. Посыльный вызвал кого-то из первой двери, доложил ему и ушел. Меня пригласили войти в первую дверь. Я вошел и от удивления обалдел: стоит старший лейтенант, с которым я так недружелюбно обошелся в купе поезда Баку-Одесса, и у него только глаза улыбаются, а сам все такой же чистенький исправный. Моя судьба шла за мной по пятам:

– Ну, здравствуй...

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант!

– Садись, – он указал на стул возле небольшого круглого столика, стоявшего возле двери, и продолжал: – Хочешь работать у меня?

Я обратил внимание на слово «работать», поскольку считал, что в армии служат, а не работают. Он уловил мое замешательство и пояснил:

– Рассказывать тебе о работе я не имею права: сперва надо оформить допуск к совершенно секретной работе. На это уйдет около месяца. Работа интересная, скучать не придется. Долго не думай, о работе ничего не узнаешь. Если согласен, то вот анкета. Можешь заполнять. – И он придвинул ко мне листок бумаги. Что оставалось делать?

Серьезных командиров я обожаю. Я и спал-то все время в разных местах: то в пулеметной роте, то в учебной роте, то со львовскими курсантами. Оставался последний год службы, и показалось заманчивым обрести постоянное место. Высокая секретность, которую не переставал подчеркивать старший лейтенант, конечно, подогревала интерес к будущей работе, в которой точки зрения взбалмошного юноши, мечтавшего о дальних морских походах, явно просматривалось романтическое начало. Да еще впервые спрашивают мое согласие – я к этому не был приучен: меня просто назначали, куда находили нужным.

Я согласился и заполнил анкету, включавшую в себя, как обычно, бабушек и дедушек, «не судился, за границей не был, в других партиях не состоял» и т. п.

– Когда придет время, я тебя вызову. А пока иди – учи своих курсантов! – И старший лейтенант улыбнулся, прощаясь со мной.

Вернувшись в школу, пару дней думал о предстоящих изменениях на службе, но месяц на пролет думать не будешь: я успокоился и занялся с курсантами обычным делом – стрельбой, тактикой, оружием...

Из письма Нине от 1 декабря: «...международная обстановка такова, что вряд ли кто из нас попадет домой ранее 3-4-х лет. Но я еще борюсь за два года...» Кстати, присвоение звания в который раз отодвигалось – его теперь должны были присваивать по новой военно-учетной специальности...

В полку новшество: по выходным дням мы теперь могли идти в любой городской театр. Видано ли такое? Билеты свободно продавались в клубе за наличный расчет, и я успел побывать в оперетте, в Русском драматическом, а также слушал «Кармен» на украинском языке в оперном театре. Так служить можно!

К середине декабря ударили морозы, но на этот раз до минус 20 °С, без снега. Ураганы пронизывали нас до «мозга костей» и житья не давали. Занимались тактикой на морском берегу, а там ветер особенно неистовствовал. Опять начали мерзнуть. А побережье моря для учебных занятий взвода я выбрал неслучайно: как-никак море рядом, и вроде ты не в пехоте служишь...

4

Предложение старшего лейтенанта давно ушло из памяти, я уже мало в него верил. Работа с курсантами, а их у меня было 60–70 человек, не оставляла ни минуты свободного времени. И все же мой час настал. За неделю до нового, 1941 года меня вызвали в штаб полка. Теперь я знал дорогу – провожатых не требовалось. Пришел. Поднялся. Постучал. Вошел. Часовой заранее был предупрежден.

– Здравия желаю.

– Здравствуй, садись.

Я устроился за тем же круглым столиком.

– Допуск на тебя оформлен. Можешь приступать к работе.

Вот и все. Старший лейтенант тут же ввел меня в курс дела.

Прошло более пятидесяти лет, и все секреты можно раскрыть. Но главный «секрет» оказался в другом: случайная встреча со старшим лейтенантом в поезде определила мою дальнейшую военную судьбу и подарила мне жизнь вместо смерти.

Старший лейтенант Данилов Павел Александрович занимал должность помощника начальника штаба полка по разведке и мобработе, а коротко – ПНШ-3. Он родился в 1904 году, коренной ленинградец, петербуржец. Жена с двумя сыновьями жила в Ленинграде. Через много лет – после войны – я узнал, что он с молодых лет служил в органах ВЧК, работал в Большом доме на Литейном, 4. В 1937 году в числе многих чекистов был репрессирован, а затем выпущен на свободу, реабилитирован и призван в армию для участия в финской кампании. Так он оказался в 674-м стрелковом полку.

Он был очень уравновешенным, серьезным, молчаливым, весьма порядочным человеком, хорошим командиром. Как ни пытаюсь, не могу приписать ему ни каких отрицательных черт. Подражая Владимиру Маяковскому, на вопрос: «Жизнь сделать с кого?» – я бы ответил: «Делай ее с товарища Данилова!» Но в душе он так и не смог простить арест, хотя верно служил партии всю жизнь. Обиду он молча пронес до самой смерти.

Данилов прекрасно знал свое дело. Он никогда не повышал голоса, был непреклонен в отстаивании своих позиций, если чувствовал правоту, исключительно добросовестно относился к своим служебным обязанностям. Командование ценило его, считалось с ними всемерно поддерживало его усилия по повышению боеспособности полка. Ко всему Данилов – неразговорчивый, замкнутый и достаточно строгий командир. Пусть покажется странным, но я предпочитал строгих и умных командиров и легкое ними срабатывался. Вот таким и был Данилов...

В мирное время разведкой сопредельной стороны – в нашем случае это была Румыния – ни полк, ни дивизия не занимались. Всю необходимую работу проводило Главное разведывательное управление НКЮ, привлекая военные округа только в исключительных случаях. Дивизии и полки получали для ознакомления и хранения готовую, обработанную Генштабом информацию разведывательного характера. К примеру, мы получали специальные альбомы на редкой по качеству бумаге с цветными фотографиями и схемами расположения укреплений приграничной полосы нашего потенциального противника. Подробно освещалась конструкция дотов, дзотов, эскарпов, минных полей и всего того, с чем должен был столкнуться агрессор в процессе наступления. С востока это могли быть только мы – РККА во главе с Тимошенко и Сталиным. Мы хранили эту развединформацию на специальных стеллажах и в сейфах, время от времени приглашая к себе только командира полка для ознакомления с поступившими материалами. В полку допуск к совершенно секретным материалам имели только три человека: командир полка, Данилов и я.

Особенности нашей работы состояли в следующем:

1. У нас был гриф секретности – «Совершенно секретно» или «00» (как говорилось, «два нуля»).

2. В нашу рабочую комнату имел право войти только один человек – командир полка. Его мы приглашали раз в неделю для ознакомления с поступившей почтой, касавшейся его, и для подписания исходящих документов принципиального характера, подготовленных нами к отправке в штаб Одесского военного округа, в Горвоенкомат и в другие организации, с которыми полк был связан напрямую.

3. Существовал строгий порядок оформления каждого документа, подлежавшего отправке кому-либо из перечисленных выше адресатов:

- обязательно указывалась фамилия исполнителя, т. е. моя;
- указывалось, в каком количестве экземпляров и кем отпечатан документ (печатал на машинке только я – пришлось освоить и эту премудрость);
- сообщалось об уничтожении копировальной бумаги, использованной при печатании, а также – кто ее уничтожил и как;
- готовый к отправке документ по-особому сшивался вместе с конвертом, ниточные швы обрабатывались сургучной печатью и многое другое.

До меня у Данилова работал старший сержант, который только что уволился в запас, и я его не застал. Когда потребовалась замена, Данилов вспомнил нашу «встречу» в поезде, посчитав, что я должен соответствовать его стандартам, поскольку научен держать язык за зубами, что недавно с успехом ему продемонстрировал, да к тому же еще и земляк – ленинградец.

Излишне говорить о том, что я не имел права даже намекнуть о характере своей работы никому из друзей-товарищей по полку, а у меня их было немало. Исключалась малейшая возможность утечки информации. Любителей трепать языком на такую работу не брали, и те, кто этой работой дорожили, указанные правила соблюдали со всей строгостью.

Первое время друзья здорово обижались на меня, так как они обычно делились друг с другом обо всем, чем им приходилось заниматься, а я не мог. Долго дулись они на меня, предполагая, что я воображаю из себя кого-то или набиваю себе цену. Потом, видно, поняли, что все это серьезно, и они успокоились, приняв мое молчание как должное. Наши дружеские отношения были восстановлены.

Между Даниловым и мной сложились тоже весьма специфические для такой работы отношения. База для таких отношений была непростой. Данилов – старый заслуженный чекист, опытный, умудренный работой и жизнью, да и лиха успел познать, будучи арестован как «враг народа».

И вот появляется новый работник – я. Что обо мне, помимо анкеты, знает Данилов? По-настоящему – ничего. Допустим, что я не болтун, и в смысле утечки информации его не подведу, но этого мало! Я могу оказаться невнимательным, халатным человеком, неисполнительным, забывчивым, небрежным, неаккуратным – да мало ли таких моментов в работе, когда я, совершенно того не желая, могу его крепко подвести. Практически это могло иметь место на каждом шагу.

А может, я к тому германский либо японский шпион? Мало ли что могло взбрести в голову опытному чекисту-разведчику. Все это я понимал, сознавал, чувствовал и старался работать так, чтобы ни одна «кошка» не прошмыгнула между нами.

К моему великому удивлению, Данилов с первого дня стал доверять мне полностью во всем. Он ни одним жестом или взглядом не выдавал мне своих возможных сомнений. Недоверия ко мне с его стороны я тоже никогда не замечал, не чувствовал и не подозревал, а по натуре я, будучи рыбаком и охотником, человек довольно внимательный. Через короткое время я понял, что наша работа могла успешно вестись только при условии абсолютного доверия друг к другу.

Данилов подолгу отсутствовал, находясь то в штабе округа, то в Горвоенкомате, то в дивизии. Целыми днями я пребывал в нашей крохотной комнатке около 12 квадратных метров один. У меня был совершенно определенный и самостоятельный круг работы по мобилизационному плану полка. Повседневное руководство Данилова не требовалось: я имел жесткий план-график по разработке мобплана на 1941 год.

Я сам готовил все необходимые документы, подписывал их у командира полка и отправлял адресатам через спецсвязь, а иногда отвозил сам. Бывало, что, нарушая правила, заскакивал в кабинет командира полка для подписания очередного срочного документа, если у майора в этот момент никого не было. Мне не хотелось беспокоить его из-за одного письма: одно дело, когда ПНШ-3 Данилов просит его зайти к нам, и другое – если я.

Надо подчеркнуть, что в своей работе мы с Даниловым подчинялись не командиру полка, а непосредственно разведотделу дивизии, а тот, в свою очередь, замыкался на разведуправлении штаба Одесского военного округа и т. д. Особый отдел полка (военная контрразведка) шел не по нашему ведомству и тоже был самостоятельной структурой. Мы с ним общих дел не имели.

Даже мне было видно, что майор в душе не одобрял такого положения, что ПНШ-3 и начальник контрразведки (особенно – второй!), находясь в штате полка, ему не подчиняются. Его это по-человечески ущемляло. Он понимал целесообразность этого, но принять не мог, хотя и старался не показывать, держась с нами всегда ровно и корректно...

Рабочий день у меня длился с 8 утра до 12 часов ночи. Когда Данилов уходил домой – комсостав полка жил на квартирах в центре города, – я еще оставался, чтобы напечатать на машинке письмо Нине: днем я такой возможности не имел, но время с 12 до 2 ночи принадлежало мне. Закончив личную переписку, я опечатывал комнату мастичной печатью и сдавал под расписку стоявшему у двери часовому.

Утром дневальные по штабу полка затапливали мне печку, которая, естественно, обслуживалась со стороны коридора. После завтрака я приходил, осматривал печку, вскрывал комнату и приступал к работе, которой было невпроворот, но она, а также условия работы и отношения с начальником мне нравились.

Любопытная деталь: в этом глухом конце коридора за нашей комнатой находилась еще одна – так называемая «секретная комната».

В ней сидел и работал человек, ведавший секретной документацией полка. Гриф секретности – «О». Здесь хранилось знамя полка, данные о личном составе, о количественном составе каждого подразделения и тому подобное. Заведовал всем этим хозяйством техник-интендант Исаев, с которым меня связывали самые тесные, приятельские отношения.

Мы с ним быстро нашли общий язык. Данилов не курил, а мне в одиночку это делать было не интересно. Когда Исаеву хотелось покурить, он легонько стучал мне в стену установленное количество раз. Если я мог оставить работу, то отвечал ему тем же, после чего закрывал свою комнату на ключ и шел к Исаеву курить. Бедный Исаев ко мне прийти не мог: «два нуля» были старше «одного нуля», да и подчинялись мы с ним разным ведомствам. Такова была субординация в секретном и совсекретном делопроизводстве в то время...

Пришло время рассказать о характере моей основной работы. Официально это звучало так: разработка и постоянная корректировка мобилизационных планов полка на текущий и последующие годы.

Мобплан полка, как и любой воинской части, предусматривал отработку тысячи всевозможных вопросов, привязанных к так называемым дням «икс». Первый день войны носил индекс М1, второй – М2 и т. д. В эти дни объявлялась всеобщая или частичная, как во время польской и финской кампаний, мобилизация; войсковые соединения переходили на штаты военного времени, получали необходимое количество инвентаря, вооружения, боеприпасов, медикаментов, продовольствия, без чего не может существовать действующая армия. Каждый из дней «икс» – М1, М2, М3 и т. д. – предусматривал постепенное пополнение конкретными людьми, военнообязанными запаса, а также получение службами полка всего перечисленного выше.

В дни «икс» предусматривались и перестановка командных кадров, и формирование новых соединений. Так, в первый день будущей войны наш 674-й стрелковый полк должен был сформировать новый, «дочерний» 105-й запасный стрелковый полк. Командиром этого полка в день М1 по плану становился майор Галузо, который пока являлся командиром первого батальона 674-го стрелкового полка и ни о чем подобном не подозревал. Если война не случится, он об этом никогда и не узнает. Так получалось, что ежедневно, встречаясь с Галузо на плацу и приветствуя его, я знал, кем он станет в первый день войны, а он не знал. Такова специфика мобработки под «двумя нулями».

Старший лейтенант Данилов в день М1 должен был стать начальником штаба 105-го запасного стрелкового полка и т. д. Комплектование полка личным составом из запаса в дни «икс» предусматривалось мобпланом до мельчайших деталей: из какого райвоенкомата Одессы – Кировского, Ленинского, Овидиопольского, Ильичевского и других – придет к нам пополнение. Этим процессом управляли мы с Даниловым, а точнее – теперь я.

Согласно разнарядке горвоенкомата, каждый райвоенкомат должен был направить к нам в день «икс» конкретное количество рядовых, сержантов, лейтенантов и т. д. Обычно я приезжал в тот или иной райвоенкомат – меня уже везде знали – и мне предоставлялось укромное место, чтобы никто не мешал работать. Передо мной раскладывались списки и журналы приписного состава. На основе этих исчерпывающих данных я проставлял «галочки» против тех фамилий, воинских званий, военно-учетных специальностей, которые отобрал для полка. Поскольку наш полк являлся основным в гарнизоне Одессы, то имел преимущество перед теми полками дивизии, что располагались вне города, и я, его полномочный представитель, мог отбирать нужных мне людей.

Пополнение полка рядовым и сержантским составом я производил главным образом из числа лиц, проходивших срочную службу в пограничных войсках, в частях НКВД, уже воевавших, а также из коммунистов и комсомольцев. Мы, молодые, в те годы были так воспитаны и подготовлены ко всему, что учить нас тому, по какому принципу отбирать нужных людей, не требовалось: мы «сами были с усами». Аналогичным образом отбирался и командный состав, медперсонал и другие военные профессии. Наверняка в лежавших передо мной списках молодых выпускниц медтехникумов Одессы были и те веселые девчата, которых мы недавно так дружно приветствовали перезвоном штыков во время подготовки к ноябрьскому параду 1940 года.

Райвоенкоматам я оставлял данные о том, в какой день, куда и сколько мобилизованных должны явиться. Принимать их должны были представители нашего полка, среди которых числился и я.

Заодно решались все важные для полка вопросы: поставка в день «икс» энного количества тонн муки с мельничного комбината; резервировались в трамвайных парках города грузовые вагоны для доставки муки в полк; поставка повозок, сбруи, конского состава, медикаментов и многого-многого другого.

Уточнение необходимого количества приписного состава я производил в соответствии со штатным расписанием полка военного времени, а что касалось снабжения, то все делалось иначе.

Через дежурного по штабу я рассылал письменные приглашения начальникам всех служб полка, назначая каждому из них свой день и час, в который ему следовало прибыть в моботдел, то есть ко мне.

Скажем, приходил ко мне начальник артиллерии полка. Я сажал его за тот самый круглый столик, давал ему специальные листы-формы мобплана по его части, отпечатанные в типографии, объяснял задачу и показывал, где он должен проставить цифры. Например, в день М1 ему потребуется столько снарядов одного калибра, а столько – другого; то же в день М2 и т. д. Неудобно было на первых порах, но затем я быстро вошел в роль. Часто бывало, что у капитана волосы дыбом: «Откуда я знаю?» Дело объяснялось просто: человек только недавно на своей должности и с мобпланом сталкивается впервые. Тогда я терпеливо разъяснял капитану, что здесь требуется не столько знать, сколько мозгами шевелить. В общем, смех да и только: норм расхода мы не имели и должны были импровизировать. На один залп всех стволов полка снарядов потребуется столько, а количество залпов в сутки – такое-то и т. д. В таких случаях каждый старался заказать побольше. На первый взгляд все выглядело не очень серьезно, но в результате совместных усилий что-то обычно получалось. Другого способа мы не знали. Через два-три часа работы каждый приглашенный подписывал совместно сработанный документ, благодарил меня за помощь и, радуясь, что отделался от тяжелейшего умственного труда, исчезал за дверью. Когда мы принимали кого-либо у себя, то в комнате ни одной бумаги на столах – Данилова и моем – не лежало. Порядок есть порядок.

Приходили начальник ОВС (обозно-вещевого снабжения) – техник-интендант 2-го ранга, начальник химической службы Белов, начальник медико-санитарной службы военврач 3-го ранга Гальперин и другие. Они не могли игнорировать наши требования, так как имели строгое предупреждение от командира полка о личной ответственности за свой раздел мобплана. Все проявляли сознательность, понимая важность задачи, для решения которой каждый находил свои пути-дороги. Часто с надеждой смотрели на меня. Можно подумать, что я во всех этих цифрах «собаку съел», а ведь я в то время был работником моботдела, что называется, «без году неделя».

Сам Данилов никогда этой галиматьей не занимался, предоставив мне расхлебывать и уточнять все мобилизационные потребности полка. Он словно чувствовал, что эта работа не пригодится, за исключением пополнения полка личным составом.

Я же с удовольствием втянулся в работу; у меня все сразу стало получаться; Данилову не приходилось ни поучать меня, ни поправлять, ни делать замечания: я тоже с первого дня оказался на своем месте. За спиной я имел 10 классов средней школы, три месяца института и один год военной службы. Этого оказалось достаточно – Данилов никогда не вмешивался в мою работу, и я сам отвечал за нее.

Я сразу получил жетон для беспрепятственного входа и выхода из военного городка в любое время суток, хотя на КПП – контрольно-пропускном пункте – меня и так знали.

Приближалось мое 19-летие. Я постарел еще на год и становился почти взрослым. Год службы пролетел незаметно. В письме от 5 января 1941 года я писал Нине: «Если будет мирная обстановка, то я вернусь в сентябре этого года. Вот и катится к концу армейская служба, а разве долго?»

А уходить мне от нее не хочется...» Это уже что-то новое. У Данилова я к тому моменту работал две недели, но и за это короткое время мне многое удалось сделать по верстке мобплана 1941 года, и это вскоре оценили!

5

Вечером 9 января зашел к нам командир полка, держит в руках какую-то бумагу, по-особенному смотрит на меня и молчит. Мы с Даниловым встали со своих мест и ждали, что последует. Майор сам никогда к нам не приходил, а только по приглашению. Наконец он молча протянул мне телеграмму о смерти отца с вызовом на похороны в Ленинград. Отец скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг в ночь с 8 на 9 января 1941 года. Известие о его смерти ошеломило меня: ему не было и 55 лет. Похороны были назначены на 12 января.

Газета «Ленинградская правда» от 11 января сообщала: «Дирекция, партком, местком, профком и комитет ВЛКСМ Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) совместное дирекцией и общественными организациями Ленинградского энерготехникума с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной смерти одного из старейших преподавателей института и заместителя директора энерготехникума доцента КОНСТАНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА ЛЕВИНСКОГО...»

Командир полка, выразив соболезнование, предложил мне выбрать одно из двух: либо ехать сразу не более чем на два дня, либо, закончив мобплан, уехать в краткосрочный отпуск на десять дней. На похороны я так и так не успевал – самолеты тогда не летали, поэтому я выбрал второе. Успешно закончив мобплан, я получил 14 дней с дорогой и 25 января выехал в Ленинград.

Данилов попросил зайти к его жене за продуктовой посылкой. Она жила на улице Воинова. А потом – в 1-ю Образцовую типографию на Садовой улице, где он когда-то работал начальником секретного сектора, и передать его записку с просьбой помочь штабу полка писчей бумагой.

У него там остались дружеские связи, и меня нагрузили бумагой выше головы. Обе просьбы я выполнил. Когда заходил к Клавдии Дмитриевне Даниловой, Ниночка осталась ждать меня в парадном. После войны, когда я поведал Клавдии Дмитриевне об этом эпизоде, она выразила сожаление, что мы не зашли к ней вдвоем.

Когда я ехал в Ленинград, то было очень тяжело при мысли о смерти отца, и в поезде родились следующие строчки:

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как больно вспомнить вечер тот январский:
Глаза друзей так странно вдруг горят,
И желтый лоскут страшной телеграммы
Под серую шинелью почтаря.

Уплыли розовые краски возвращенья,
И в памяти воскресло: на бегу
В двенадцать ночи скорое прощанье,
И поезд под парами на Баку.

И вот теперь ничто не возвратится...
Ушел навек, а как в груди болит,
Что без меня его на скорбной колеснице
В последний раз по городу везли.

И горе нарастало дни за днями,
Как знойные ветра перед грозой парят,
Пока не загудел, сжимая сердце,
Тот скорый под парами в Ленинград.

Но вот и он встречает тьмой кромешной.
Растет вокзал, и поезд мчит скорей...
Еще один день скорби неутешной
В созвездии девярых январей!

Как мне поверить: вправду ль это было,
Иль только снится, что меня с дали
Судьбы безжалостной невидимые нити
На белую могилу привели?..

Пребывание в Ленинграде было не из радостных. Собака сидела дома в одиночестве. Мама приходила ее кормить, а сама дома нежила и не ночевала, спасаясь от постигшего ее горя у папиной сестры – тети Шуры. Мама пребывала в забытьи, еще не оправившись от удара судьбы, а та, подлая, уже готовила новые.

Мы с Ниной съездили к папе на могилу. Тогда на месте будущего Серафимовского кладбища было поле, занесенное снегом, и мы с великим трудом нашли свежую могилу отца. В последний вечер мы с Ниной долго сидели возле открытой печки, греясь ее жаром. Собака лежала у наших ног тихая и грустная, словно понимала, что с хозяином случилась беда, и он никогда не вернется. Мама рассказывала, что за несколько дней до смерти отца собака непрерывно скулила за его креслом, на котором он сидел, работая по вечерам: верный пес будто предчувствовал неладное. Говорят, такое случается.

Повидав всех родственников, нагруженный, как верблюд, 5 февраля я уезжал в Одессу – теперь там мой дом. Поезд уходил днем с Витебского вокзала. Нина провожала меня. Она всплакнула на перроне. Прощание было невеселым, словно мы оба уже осознали неотвратимость приближающейся долгой разлуки с неизвестным концом: что ни говори, а страна жила ожиданием неизбежной войны.

Нашему прощанию я посвящу в 1944 году пару стихотворений – они там и найдут свое место.

Возвращаться в Одессу было не менее тоскливо, чем ехать до этого в Ленинград. Впервые тоска так душила меня.

В пути завел знакомство со старшиной сверхсрочником, чье место было рядом с моим. В соседнем купе ехала молодая мамаша с семилетней дочуркой. Девочка всю дорогу провела у нас. Об этом я напишу Нине в письме от 13 февраля: «...и мы втроем рисовали лошадок и птичек. Он (старшина. – Д.Л.) давно не был дома, у него такая же дочка... Ну, а у меня хоть дочки и нет, но... хотел бы иметь. Это ты должна понимать». Далее в письме были и такие слова: «Задумал авантюру, но она возможна лишь при условии мирной обстановки, а таковая никак в этом году не предвидится. Запомни эти слова, скоро что-нибудь будет...»

Пока два дня томился в поезде, с интересом прочел поэму Николая Асеева «Маяковский начинается», которую Нина дала мне в дорогу. Под влиянием поэмы я тут же написал свою. Она получила название «Дорожная лирика, или Повесть о дружбе». Вот она:

Столбы убегают вдаль, бегут вперегонку с днями,
Идущих ускоренным маршем неповторимых лет.
Мы все в наши годы любим жизнь услаждать стихами,
Хоть каждый отлично знает, что далеко не поэт.

И я стой минуты как вновь город родной растаял,
Пока не дохнуло весною от украинских сел,
Забившись на полку вагона, стихами тоску прогоняя,
Повесть Асеева трижды от корки до корки прочел.

Он написал хорошо и строк дал горячих немало
О Маяковском по-маяковски и не забыл себя.
Там одно место в повести взоры мои приковало —
В строчках, которых нет проще, мысли мои сквозят:

«Я больше теперь никуда не хочу выходить из дому.
Пускай все люстры в лампах горят зажжены.
Чего мне искать и глазами мелькать по-пустому,
Когда ничего на свете нет нежнее моей жены.

И шорох зеленых садов, и яблонь цветущих касанье,
И каждого ясного утра просторная тишина,
И каждая строчка – обязаны ей – Оксане,
Которая из бессчетных единственная жена!»

Я славлю тот день и час, как увидел тебя впервые,
Когда непослушным стало в привычных руках весло...
Когда ж ожила земля и всходы взошли яровые —
Из первого смутного трепета огромное чувство росло.

Когда отцвели сады, нагрянули белые ночи,
А юность ломилась в ставни и звала любить и жить —
Я уже знал, я убедился воочию,
Как от зари до заката с девушкой можно дружить.

Назавтра сказали: «Пока!» и встретили юность в шинели,
В казармах, теплушках, окопах, в горластом пехотном строю.
Мы жизни хлебнули вдоволь, а прифронтовые метели,
Лицо обжигая до боли, пели нам песню свою.

И вот походы прошли: в степях, крутыми холмами
Пролег наш тернистый, славный, потом политый путь.
А дружба? Будьте спокойны: привязанность, выношенную
годами,
Ни время, ни люди не в силах теперь пошатнуть!

Скоро расплавят снега солнца лучи. Неземные,
Сладкие сны нам приснятся – ты улыбнешься весне.
Я буду в далекой Одессе, но вестники дружбы немые —
Цветы белоснежных акаций – напомнят слегка обо мне.

Я верю, что время придет – мы сможем сказать детям,
Их провожая в жизнь, в омут житейской кутерьмы:
«Дорогие наши – в жизни своей сумейте
Ценить настоящую дружбу, дружить, как дружили мы!»

Где-то в груди поплывут чудной мелодии звуки.
В памяти светлые встанут прожитые вместе года.
Мы с любовью пожмем крепко, но нежно, руки,
В глаза глубоко заглянем, счастливые, как никогда.

И промолвив: «Пора» – в тиши золотого вечера,
Пожелает спокойной ночи всем счастливая мать...
Вот о такой чудесной, дружбе простой, человеческой,
Так, между прочим, сегодня – я и хотел сказать.

6

Одесса встретила весной. Снег стаял. Везде была непролазная грязь. Я не успел появиться в полку, а начальник штаба уже выловил меня на ходу, чтобы отправить на шестимесячные окружные курсы по моей новой специальности мобработника. При этом он пояснил:

– Вернешься к нам через несколько месяцев и будешь получать 800 рублей в месяц. Мать привезешь в Одессу.

Было о чем задуматься: это были большие деньги – отец столько зарабатывал на двух работах. Я с трудом отказался от предложения, поскольку еще не решил для себя, кем хочу стать: то ли моряком, о чем мечтал в школе, толи выберу другую профессию.

Служба пошла своим чередом. В том же письме Нине от 13 февраля, где писал про «лошадок», были и такие строчки: «Не скучай и будь здорова, / Веселись от всей души, / Слушай „Дружбу“, / Помни дружбу / И скорей пиши!» – я был неисправим.

Посетил концерт хора Одесского театра оперы и балета. Мы все скучали на концерте, так как его программа явно не соответствовала вкусам нашей солдатской аудитории. За несколько дней до этого состоялся концерт самодеятельности «Ансамбля жен начсостава» гарнизона Одессы. Вот это был концерт! Пели женщины, познавшие войну, тревогу за близких и боль утраты. У многих в зале на глазах блестели слезы, и полюбившийся ансамбль долго не отпускали со сцены.

В период душевной подготовки к большой войне мы не воспринимали классическую музыку в рамках спокойной, незнакомой нам мещанской жизни, любовь к которой нам так старались привить оперные артисты. Мы в массе уже были «испорченным народом». Наши души согревали слова совсем других песен, например: «Наша школа, школа полковая, Командиры – впереди...», или «Пойдут колонны сталинской пехоты, Пойдут в последний бой с врагом...» Это нам тогда было ближе и понятней, с этими песнями мы жили и соби-

рались воевать с Гитлером. Простите нас за это, но другими мы быть не могли. Чтобы нас понять, для этого надо было послужить вместе с нами в то время.

Из письма Нине от 15 февраля: «Сегодня у нас был митинг, посвященный 18-й партконференции. Был доклад о международном положении. Он заставил меня серьезно задуматься. В этом году что-нибудь будет...» Как мы все ждали войну!

Но даже у Данилова «за пазухой» мне не жилось спокойно. Вот письмо Нине от 17 февраля: «...Веселые дела, приподнятое настроение. Спешу поделиться. Сегодня днем пришел приказ свыше: вышибить из штаба полка всех, не имеющих на руках документа о том, что они нестроевики. Вместе со мной отправляются 90 % обратно в старую школу. Мой начальник еще этого не знает. Работы по горло, а заменить меня раньше чем через месяц никто не имеет права. Завтра снова лягу за „Максима" и реже буду писать моей дорогой Ниночке...

Нинка, мне хочется через тысячи километров, отделяющие нас, крикнуть во весь голос тебе:

Мы сегодня звонкой песней
Распрощаемся с Одессой
И штыками встретим завтра Измаил!!!»

Я никак не пойму: или я – пророк, или это дар предвидения, или – реальная оценка обстановки. Но все, о чем говорилось в последних трех строчках, сбудется через четыре месяца: будут штыки, будут песни, будет Измаил, но, к сожалению, еще добавится и кровь!

Очень любопытное стихотворение попало мне на глаза в феврале 1941 года в одной из одесских газет. Автор – Елена Ширман²⁷. Название стихотворения было весьма недвусмысленным, и я включил его в письмо Нине от 23 февраля:

ТАК БУДЕТ

Я буду слушать, как ты спишь. А утром
Пораньше встану, чай вскипячу.
Сухие веки второпях напудрю
И к вороту петлицы примечу.

Ты будешь как всегда. Меня шутливо
«Несносной хлопотухой» обзовешь.
Попросишь спичку. И неторопливо
Газету над стаканом развернешь.

И час придет. Я встану, холодея.
Скажу: «Фуфайку не забудь, смотри...»
Ты тщательно поправишь портупею
И выпрямишься. И пойдешь к двери.

²⁷ См.: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965. С. 625). Приводимое Д. Левинским стихотворение на самом деле называлось «Возвращение» и имело эпиграф из К. Симонова: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Елена Ширман (1908–1942)училась в Литинституте в семинаре И. Сельвинского, во время войны работала в ростовской агитгазете «Прямой наводкой» и погибла во время захвата редакции гитлеровцами в станице Ремонтной. См. о ней также: Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стб. 730. Ее творчеству посвящена также статья Д. Давыдова «Я то, что я есть, и я говорю, что мне хочется»: «О „Последних стихах" Елены Ширман (Новое литературное обозрение. 2002. № 55).

И обернешься, может быть. И разом
Ко мне рванешься, за руки возьмешь.
К виску прильнешь разгоряченным глазом,
И ничего не скажешь. И уйдешь.

И если выбегу и задержусь в парадном,
Не оборачивайся, милый. Уходи.
Ты будешь биться так же беспощадно,
Как бьется сердце у меня в груди.

Ты будешь биться за Москву, за звезды,
За нынешних и будущих детей.
Не оборачивайся. Ночь морозна,
И слез не видно на щеке моей.

Странные мысли возникают по прочтении этого стихотворения. Это строки не о финской войне, которая закончилась год тому назад, и приписной состав уже распущен. Кроме того, на финской войне бились не «за Москву, за звезды (кремлевские!), за нынешних и будущих детей», а за «свободу финского народа от ига капитала». Значит, это стихи о будущей войне с Германией, которая действительно будет «за нынешних и будущих детей», то есть на взаимное уничтожение двух воюющих сторон, двух систем. Петлицы, портупея – все это говорит о новой мобилизации командного состава.

Что же получается? Сталин упорно не хотел видеть приближения войны. Он ее не ждал, но готовил! А Елена Ширман не только ждала ее со дня на день, как и мы, грешные, а описала ее начало, причем тревожно и трогательно, как будто уже проводила мужа на фронт. Вывод: ничего не видел только тот, кто не хотел видеть, как приближалась война. В сознании многих она уже шла! Сложное чувство осталось от этого стихотворения. Больше я его никогда не встречал.

И еще из письма от 20 февраля: «Мое положение выяснится лишь 25–28 числа. Напишу. Если будет спокойно – вернусь летом, но спокойно не будет, а наоборот. Это жаль, но может быть и к лучшему, но грозит быть затяжным. Пиши почаще, не забывай, если скоро уеду из Одессы...» Надо пояснить, что большинство из нас, служивших срочную службу, твердо знали, что не сегодня-завтра предстоит схватка с фашистской Германией, что это неизбежно: две системы-антипода с общей границей долго мирно сосуществовать не смогут. Война обязательно будет. А если так, то что лучше: встретить войну в своем родном полку с друзьями-товарищами или уволиться в запас, вернуться домой и потом уходить на войну под слезы родных и близких, а затем попасть в новую часть, где никого не знаешь? Все стояли за первый вариант: сперва война, а домой – потом.

При этом мы считали, что война будет скоротечной, например, через 2–3 месяца будем в Берлине, а там – кому как повезет: кто-то останется вечно молодым, а кто-то вернется домой. О затяжной войне никто тогда и не думал. Ведь мы как собирались воевать:

Мы войны не хотим,
Но себя защитим,
Оборону крепим мы не даром,
И на вражьей земле
Мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

Так мы пели каждый день. И считали, трезво оценивая ситуацию, что вернуться домой могли только через войну.

Итак, я снова был в подразделении – в моей родной 1-й пулеметной роте. Оказалось, что львовских ребят и учебную роту куда-то перевели. Обстановку в роте характеризует письмо Нине от 22 февраля: «Вчера вечером перебрался назад в старую первую роту и притащил с собой целый взвод таких же „несознательных“, уваливающих от высокого звания советского командира. Моего взвода „старичков“ уже нет – они выпущены. Вчера в 11 вечера ушли в баню, и при обычной организации подобных процедур продержали нас там до 5-ти утра. В роте скучно, серо и однообразно, а атмосфера... удушающая. Чересчур много командиров-птенцов, они никак не могут насладиться удовольствием покомандовать и сутра до вечера попусту дерут свои глотки. А я в исключительных случаях повышаю свой голос, и все мои бойцы с радостью и бегом выполняют любые приказания, вплоть до мойки полов». Действительно так и было: в полный голос я отдавал команды только на строевых занятиях на плацу и на тактических занятиях в поле.

Из того же письма: «На днях два наших батальона вернулись с выхода. Поход был небольшой, но люди осеннего призыва 1940 года натерпелись здорово. Ходили за 50 километров от Одессы на старую границу и там рыли учебную линию укреплений, окопы – 7 км по фронту и 3 км в глубину. Жили под открытым небом 12 дней, питались так: утром 2 селедки на 5 человек и горсточка сухарей без воды, а вечером – чай из талого снега с теми же сухарями. Работали все время, оставляя на сон не больше 2-3-х часов в сутки. Работали по колено в воде под проливным дождем. Сушиться негде. Вернулись облепленные грязью, на лица было страшно смотреть – все малиновые, распухшие, с волдырями и нарывами. Привели их ночью, чтобы не видел город. Это их первая закалка...» Вот так готовили воевать наших доблестных солдат. Я воздержусь от оценки. Я прошел через все это, и мне нечего сказать.

И я снова втянулся в привычную жизнь пулеметной роты. Нас продолжали готовить к приближающейся войне. Из письма Нине от 25 февраля: «Вчера у нас был кросс. Должен был быть лыжный Всеармейский имени Тимошенко, но так как у нас снега давно нет, то заменили пешим походом по грязи. В полном снаряжении надо было преодолеть 25 километров за 3 часа 1 минуту и 35 секунд. Время нашего взвода – 2 часа 56 минут. Сегодня здорово болят ноги. Скоро будет поход дней на 12...» За время работы у Данилова я приобретенных навыков преодолевать трудности, как видно, не потерял.

В письмах же мирно сосуществовали международная обстановка и наши чувства. В письме Нине от 3 марта я писал: «Тебе, наверное, легко писать про моих „деток“, а мне читать не очень, так как мать у них может быть только одна. В противном случае их у меня не будет. А твое пожелание „иметь сыновей, а не дочек“ – это и мое желание, но: кого Бог пошлет. Нинка, ты не представляешь, насколько ты стала для меня близкой и родной...» Наше взаимное чувство крепло с каждым днем, но мы оставались по-прежнему теми, что и в школе, настолько уважали и ценили друг друга. За все время дружеских отношений мы не позволили себе расслабиться: мы даже в письмах еще... не поцеловались! Такими многие из нас были тогда. Солдатская судьба весьма неопределенна: сегодня ты жив, а завтра... Зачем же ломать жизнь любимому человеку? Не мог я себе этого позволить, пока все не образуется. Не судите меня...

Тем временем события в Европе продолжали развиваться.

В сентябре 1940 года был подписан «тройственный» пакт между Германией, Италией и Японией²⁸. Это был открытый военный союз, направленный против СССР. В ноябре к агрес-

²⁸ 27 сентября 1940 года.

сивному блоку присоединились Венгрия, Румыния и марионеточное правительство Словакии. 1 марта 1941 года о присоединении к пакту заявило царское правительство Болгарии, и в тот же день в страну вступили германские войска. В результате переговоров между Гитлером и румынским диктатором Антонеску было заключено соглашение о совместном нападении на Советский Союз: Румыния должна была вернуть себе Бессарабию, потерянную в 1940 году.

Война неуклонно приближалась к нашим границам. Разведданные, которые приходили к нам с Даниловым, еще когда я у него работал, красноречиво это подтверждали.

Мартовскими ночами 1941 года шли и шли через Одессу какие-то части на колесах и гусеницах в сторону границы, в том числе и мотоциклетные подразделения. Но как ни удивительно, когда началась война – и следов этих частей мы не видели, о них ничего не слышали и не знали.

Куда они подевались?

Я по-своему реагировал на события в мире. В письме Нине от 7 марта я писал: «В последние дни произошли, кажется, немалые события. Пожалуй, не только о мае думать не приходится, а и о сентябре...» Дело в том, что в полку ходили слухи, что мы, призванные в 1939 году из институтов, будем увольняться в запас в мае 1941 года. Этому никто из нас, конечно, не верил, но слухи обрастали деталями: якобы будут отпускать студентов, чтобы 1 сентября они смогли приступить к занятиям. Этому так хотелось верить! Очень может быть, что такие слухи распространяли мы сами или, вполне вероятно, разведуправление РККА с целью напустить туману – в расчете на дураков.

В эти же дни я вернулся работать к Данилову. Вот как об этом говорилось в письме Нине от 8 марта: «Есть новость: теперь я „официальный" нестроевик. Чтобы вернуть меня, мои начальники направили на гарнизонную комиссию. Там назначили через неделю явиться повторно для проверки. После второго раза велели прийти в третий раз и принести служебную характеристику. В результате получил странное заключение: „К службе в РККА годен. В порядке индивидуального подхода может быть использован на нестроевых должностях". Не подошел ни под одну статью, меня должны были обратно направить в строевую. Вернулся к прежней работе».

Мое сердце продолжало рваться в Ленинград к своей горячо любимой подруге. Из письма Нине от 11 марта: «Когда-то я вновь буду в Ленинграде и увижу тебя? Наверное, очень и очень нескоро. Ноты так уверенно пишешь в своих письмах, что „все зависит лишь от меня", что можно надеяться и через 5 лет встретить все ту же „старую Нину". Где бы я ни был, куда бы меня ни занесло – всегда буду стремиться в Ленинград, только к тебе, найду тебя, где бы ты ни была...» До чего поразительное совпадение мечты и реальности: именно через пять лет, о которых упоминалось в письме, и произойдет наша следующая встреча, но для этого еще надо остаться в живых! А пока только мечты и планы: «Нинка, если у тебя когда-нибудь будет сын, как бы ты хотела его назвать?» (из письма Нине от 3 апреля).

«Амурные» дела развивались и в городском масштабе, а не только в нашей переписке. У нас недаром пели: «Что за Одесса – не город, а невеста!» В письме от 19 марта я сообщал Нине: «Вчера было комсомольское собрание. В „разном" комиссар полка говорил о „воинской чести", которую каждый выходной без исключения личный состав полка меняет на „одесскую мешчанку" (это он так выразился)...» Все это действительно было проблемой для полка: сколько наших было госпитализировано из-за своего легкомыслия, приведшего к венерическим заболеваниям.

Распорядок дня у меня сложился довольно стабильный: «Ты просишь меня рассказать о своей жизни. О жизни могу, но о работе – нет. Встаю в 6. Делаю зарядку на снарядах, на плацу – теперь уже самостоятельно, как дома. Потом умываюсь, завтракаю. С 8 до 10 –

стрельба или другие занятия. С 10 до 14 – на работе. С 14 до 14.30 перерыв на обед. Потом до 20, до ужина, снова работа. Потом она же с 20.30 до... как придется».

В полку проходили учебные сборы приписанные к нам гражданские врачи. Много совсем молодых девушек 1919–1920 годов рождения – это медсестры, недавно окончившие медтехникум. Страна продолжала готовиться к войне. Теперь при стрельбе если порaziшь цель с первого выстрела, то больше патронов не давали. Экономить, что ли, стали накануне войны?

Но если в мыслях мы боролись с мировым империализмом, то на деле пока приходилось бороться со стихийными силами природы.

Из письма Нине от 23 марта: «Сейчас ночь. Я на дежурстве, Облисполком не дает покоя. Дело серьезное. За 30 километров от Одессы море прорвало дамбу, возведенную еще в 1932 году, и уровень воды в Сухом лимане поднялся на 75 сантиметров!!! Каждый день мы отсылаем по 300 человек на работу (а сколько частей еще там?). Сейчас отправил еще 100 человек. Там грузят мешки с песком, возводят стену, но море бушует и размывает. Такого здесь еще не было...

...В эти дни у нас очень остро стоит вопрос насчет училищ. Приходится серьезно задуматься. Я к армии привык, тяготит лишь разлука с тобой. Ты пишешь, что твои мысли соответствуют тем моим строчкам из „Дорожной лирики“. Неужели в самом деле, Нинка? Только... я не сомневался... Значит, это – наша правда...»

И опять о международных делах. Из письма Нине от 25 марта: «Международная обстановка таит в себе много „хорошего“. Уважаемый Гитлер решил ударить „британского льва“ по одной из его лап – Ближнему Востоку, а на пути – знакомые проливы, на которые мы целимся сами испокон веков, а сейчас – как никогда». Ничего не скажешь: далеко мы заматывались. В письме Нине от 10 апреля опять о Балканах: «На балканском театре разыгрывается веселая картина! Неужели мне в сентябре не суждено вернуться в Ленинград? Если придется связаться, то пожалуйста: „Мы с превеликим удовольствием“ – только жаль, хочется скорей к вам всем!» Сейчас только диву даешься, сколько «мусора» было в наш их солдатских головах в то далекое время. Но такими нас упорно делала система: другие ей были не нужны. Этого мы тогда не понимали, но целиком соглашались с таким положением. Мы тоже по-другому не мыслили и во всем поддерживали систему. Мы являлись ее продуктом, ее детьми, ее оплотом.

Работы у нас с Даниловым было много, но я находил время развлекаться. Из письма Нине от 30 марта: «Сегодня решил сходить познакомиться с Одесским театром Революции. Была поставлена „Мораль пани Дульской“. После театра пошел по Одессе, куда глаза глядят. Центр напоминает Ленинград. Публика одесского центра забьет нашу, наводняющую Невский. Очень много попадает моряков торгового флота, но больше всего в Одессе военных. А я, „доблестный страж юго-западных рубежей“, развернув плечи, с самодовольной улыбкой, большими шагами шагал через залитый солнцем и наполненный музыкой и весельем город, чувствуя себя в этом кипучем водовороте жизни каким-то чужим и враждебным. А в Ленинграде не так, там не такой народ, как в этой „шикарной“, подозрительной Одессе. Здесь тебя боятся, а там уважают и любят. Какая-то не советская Одесса! Одесса... маклеров, дельцов и шулеров.

С какой теплотой и душевностью встречали нас украинские села в июле прошлого года во время похода, была настоящая демонстрация чувств. А молдавские селения наши, пограничные, встретили нас притихшие, настороженные, с тревогой выжидающие: „Зачем они сюда пришли? Почему их так много?“

Одесса – красивый, построенный на холмах в несколько ярусов город, и люди красивые, но нехорошие. Нинка! Не шовинизм ли это у меня?

Военная служба хороша, но только не в мирное время, когда она вычеркивает из твоей жизни несколько лет. Уж лучше, если и вычеркнет всю жизнь, да с толком». О, ужас! Как спорно и неумно это звучит.

В первых числах апреля установилось настоящее лето, и я открыл купальный сезон, а с 1-го апреля бросил курить с условием: закурю вновь только в случае увольнения в запас (по-видимому, от радости) или в случае начала войны (от горя?).

Утренние занятия теперь проводили на море. Много купались...

И опять тревожный сигнал. Из письма Нине от 13 апреля: «Только что запечатал комнату. Приходил разводящий, рассказал мне, что сегодня под вечер наши летчики посадили на окраине Одессы турецкий самолет. Завтра узнаю точно – вообще, очень возможно...»

На этом переписка 1939–1941 годов обрывается. Письма за апрель-июнь 1941 года не сохранились...

Тем временем агрессивный союз завершил формирование своих рядов. Помимо Германии, Италии и Японии к маю 1941 года в него вошли Румыния, Венгрия, Болгария, Словакия, Хорватия и Финляндия. Практически входила и Греция, но она к тому времени не была независимым государством, будучи расчленена и поделена между Германией и Италией. Теперь возможными объектами последующих ударов со стороны германской военной машины были Великобритания и Советский Союз. Что выберет Гитлер?

По предположениям В. Суворова, Гитлер уже перенацелился с Англии на СССР и готовился осуществлять план «Барбаросса». Это было видно всем, кто хотел видеть, хотя сам план агрессии находился под строжайшим секретом, и о нем не знали. Агрессия против СССР должна была явиться логическим продолжением борьбы Германии за мировое господство.

По В. Суворову, Сталин упорно готовил собственное выступление, запланированное якобы на июль 1941 года, и не принимал во внимание вероятность опережающего удара Германии.

Если предположить, что В. Суворов ошибается, то тогда возникает масса вопросов, которые остаются без ответов.

1. Чем объяснить полную «открытость» западных границ? Все так и было, как подробно описывает В. Суворов. Укрепления не строились. Мы только делали вид, что их возводим. Даже на старой границе укрепления демонтировались и разоружались под разными предлогами и без них.

2. Почему аэродромы располагались вблизи границы? На случай собственного наступления? Другого объяснения не найти.

3. Почему базы снабжения горючим, боезапасом и прочим располагались вблизи границы? Опять другого объяснения не найти.

4. Почему накануне войны, 21 июня 1941 года, на заседании Политбюро были юридически оформлены фронты, существовавшие якобы с начала 1941 года? В мирное время фронты не создают, тем более если не верят в агрессию Гитлера. Выходит, Сталин сам готовился наступать?

Много вопросов и все без ответов. Также В. Суворов утверждает, что 12–15 июня 1941 года всем западным приграничным округам – а их пять – был отдан приказ: все дивизии выдвинуть на границу.

Со своей стороны должен заявить, что наша 150-я стрелковая дивизия, расположенная в 200 километрах от границы, такого приказа не получала, или такое отстояние не в счет? Ниже я более подробно остановлюсь на мерах, принятых командованием Одесского военного округа накануне войны.

Я склонен согласиться с В. Суворовым, что Сталин хотел наступать, но <...> летом 1941 года он готов не был, Гитлер и тут опередил его...

А пока мы с Даниловым продолжали корректировать давно утвержденный мобплан 1941 года, тщательно уточняя детали. Когда мы оставались вдвоем, то, нарушая служебную субординацию, обращались друг к другу, как на «гражданке»: «Павел Александрович» и «Дмитрий».

Будучи дежурным по штабу, – а дежурить мне приходилось довольно часто, – мне не раз доводилось докладывать командиру дивизии:

– Товарищ генерал! Полк находится на занятиях. Происшествий нет. Дежурный по штабу...

Генерал-майор Пастревич – командир дивизии – был невысокого роста, полный, квадратного телосложения и почти всегда – в кожаном полупальто.

Подходил май. Впервые я не был участником торжественного парада: «штабные крысы» на парад не ходят. В этом я ощутил свою неполноценность и несколько дней переживал.

В мае произошло еще одно событие: неожиданно Данилов, вызвавший в Одессу свою жену и двух сыновей, получил приказ выехать в округ на курсы усовершенствования командного состава. Его подчиненный от своих курсов отвертелся, а начальник вынужден был поехать.

Я горевал по Данилову. Мы с ним хорошо сработались. Кто его заменит? Данилов почему-то был уверен, что его преемнике работой не справится, но он ошибся.

На место Данилова прибыл новый ПНШ-3 – капитан Батеха. По натуре, комплекции, характеру это был человек совершенно противоположного склада. Но поскольку идейная база была идентичной, то, конечно, капитан прекрасно справился со своими служебными обязанностями. Мы с ним сразу сработались. Почти всю первую неделю мы вдвоем разъезжали по городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.